

А. А. Кривопалов

«РАССМАТРИВАЕМЫЙ ВОПРОС
ПО САМОЙ СУЩНОСТИ
СВОЕЙ СОСТАВЛЯЕТ ЗАДАЧУ
НЕРАЗРЕШИМУЮ ...».
МНЕНИЕ Д. А. МИЛЮТИНА О ВОЙНЕ
С АВСТРИЕЙ В 1855 ГОДУ

Имя Дмитрия Алексеевича Милютина, крупного военного учёного, реформатора русской армии и военного министра в царствование императора Александра II, явно не относится к числу забытых имён русской истории. Корпус материалов личного происхождения, вышедший из-под пера Дмитрия Алексеевича, безусловно, остаётся одним из центральных источников по истории Российского государства XIX столетия, без которого сегодня практически невозможно себе представить работу исследователей. Во второй половине XX — начале XXI в. усилиями сначала П. А. Зайончковского, а потом его ученицы Л. Г. Захаровой были осуществлены научные публикации многотомного дневника и мемуаров Милютина¹. В то же время некоторая часть материа-

¹ Дневник Д. А. Милютина. Т. 1–4. М., 1947–1950; Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1816–1843. М., 1997; Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860–1862. М., 1999; Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1843–1856. М., 2000; Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1863–1864. М., 2003; Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1856–1860. М., 2004; Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дми-

лов, имеющих отношение к служебной деятельности Д. А. Милютин, до сих пор не привлекала широкого внимания исследователей. Об одном из таких документов и пойдёт речь в данной статье.

В русской исторической науке Д. А. Милютин (1816–1912) известен в первую очередь как реформатор русской армии. С 1862 по 1881 гг. Дмитрий Алексеевич бессменно находился на посту военного министра. Важными вехами его карьеры была служба на Кавказе в должности начальника штаба Отдельного Кавказского корпуса (с 1857 г. — Кавказской армии), научная и преподавательская работа в Военной Академии. Несмотря на то, что на страницах дневника и в мемуарах Милютин иногда позволял себе скептические оценки николаевской армии, в молодые годы Дмитрий Алексеевич был образцовым офицером николаевского времени. Большие способности в сочетании с усидчивостью и трудолюбием, а также родство с влиятельным сподвижником императора Николая I графом П. Д. Киселевым обеспечили Милютину благоприятные карьерные перспективы. 11 апреля 1854 г. он получил чин генерал-майора.

Восхождение Дмитрия Алексеевича к вершинам военной иерархии было тесно связано с Военной Академией, основанной в 1832 г. в Петербурге по предложению и с участием всемирно известного военного теоретика генерал-адъютанта А.-А. Жомини, перешедшего на русскую службу в годы Наполеоновских войн.

Количественный рост армии и вызванное этим усложнение военной администрации приводили к повышению важности научной составляющей в деятельности аппарата высшего военного управления. Мобилизационное и военное планирование становилось невозможным без всеобъемлющего учёта данных военной статистики. Сбор и систематизация данных о военных силах сопредельных государств постепенно сделали важную часть работы разведки. Ана-

трия Алексеевича Милютина. 1865–1867. М., 2005; Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1868 — начало 1873. М., 2006; Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1873–1875. Изд. 2. М., 2008; Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876–1878. Изд. 2. М., 2009; Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1879–1881. М., 2010; Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1882–1890. Изд. 2. М., 2010; Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1891–1899. М., 2013.

лиз такого рода материалов всё более интенсивно учитывался при разработке внешнеполитического курса России.

Высшее военно-политическое руководство Империи всё чаще прибегало к экспертным оценкам офицеров службы генерального штаба, хотя право принимать окончательные решения по-прежнему оставалось исключительной прерогативой монарха. При Николае I консультанты из числа военных учёных не входили в ближний круг императора, отвечавший за формирование внешней и военной политики. Этот круг окончательно оформился уже в начале 1830-х гг. Помимо самого императора, в негласный «триумвират» входили военный министр граф А. И. Чернышёв и главнокомандующий Большой Действующей Армией фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, светлейший князь Варшавский. В сложившейся при Николае I практике подготовки военно-политических решений эксперты и консультанты обладали правом лишь совещательного голоса, поскольку в глазах императора никто из так называемых учёных-теоретиков не обладал и малой долей авторитета крупных военачальников из поколения ветеранов Наполеоновских войн.

Особая роль среди учёных-теоретиков принадлежала генерал-адъютанту Жомини. Как следует из источников, А.-А. Жомини активно привлекался для подготовки больших аналитических записок для совещаний 1840-х гг., в ходе которых решались вопросы оптимальной организации обороны западных границ России². Впоследствии его советами охотно пользовались в годы Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг.³

На рубеже 1840–1850-х гг. полковник Милютин, возглавлявший в Академии кафедру военной статистики, был уже признанным военным учёным⁴. В годы Восточной войны Милютин состо-

² РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 3. Д. 1. Л. 36–58 об.

³ Обзор некоторых предложений Жомини, высказанных в ходе Восточной войны, см.: *Щербатов А. П.* Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. СПб., 1904. Т. 7. С. 211–222, 226–243.

⁴ Во второй половине 1840-х гг. Д. А. Милютин выступил автором нескольких научных работ по данной теме: *Милютин Д. А.* Курс военной географии и военной статистики, преподаваемый в Императорской Военной Академии генерального штаба подполковником Милютиным. Кавказский край. СПб., 1846; *Милютин Д. А.* Критическое исследование значения военной географии и военной статистики. СПб., 1846; *Милютин Д. А.* Первые опыты военной статистики. Кн. 1–2. СПб., 1847–1848.

ял при военном министре князе В. А. Долгорукове в роли учёного консультанта по широкому кругу вопросов, связанных с мобилизацией и развёртыванием русских войск. Формальной должности Дмитрий Алексеевич не занимал, но находился при министре в качестве помощника.

По мнению современного исследователя Д. Е. Габелко, в круг официальных обязанностей Милютина как «учёного консультанта» входила, во-первых, подготовка для императора различного рода работ, касавшихся хода войны, в том числе политического и информационного характера, а во-вторых, редакторская правка сообщений с театров военных действий⁵.

В ходе войны Милютин подготовил для министра большое количество обзоров и записок. К примеру, в 1854–1855 гг. им были составлены следующие соображения⁶:

- «О распределении русских войск по трём военным театрам»;
- «О необходимости создания укрепленного опорного пункта на Южном театре войны в случае войны с Австрией»;
- «О плане будущих действий на Кавказе»;
- «Об обороне России по трём главным направлениям — Северному, Среднему и Южному»;
- «Об усилении и дислокации Южной армии в связи с военными приготовлениями Австрии»;
- «О военных приготовлениях на случай разрыва с Австрией»;
- «О защите Петербурга»;
- «Настоящий состав русской армии и её резервов»;
- «О военных мероприятиях, вызванных ходом военных действий и соображениями о позиции Австрии»;
- «О фланговом манёвре Крымской армии 13–14 сентября 1854 года»;
- «Об организации партизанской войны на случай вторжения австрийских войск»;

⁵ Габелко Д. Е. Д. А. Милютин в годы Крымской войны (1853–1856). Воронеж, 2013. С. 119.

⁶ Оригиналы данных записок хранятся в личном фонде Д. А. Милютина в Отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки (Ф. 169). Их описание см.: Габелко Д. Е. Милютин в годы Крымской войны. С. 64, 119–120.

— «Предположения о предстоящем образе действий Южной армии»;

— «Соображения относительно обороны берегов Балтийского моря».

Однако лишь немногие из этих служебных документов имели серьёзное историческое значение, сделавшись основами для принципиальных военно-политических решений. «Записка об опасности продолжения войны в 1856 г.», зачитанная военным министром на политическом совещании в Зимнем дворце, когда решался вопрос о принятии условий австрийского ультиматума и, следовательно, о признании поражения в Крымской войне, достаточно хорошо известна в отечественной исторической науке. На рубеже 1950–1960-х гг. её опубликовал и прокомментировал И. В. Бестужев⁷, а на современном этапе схожую работу проделал Д. Е. Габелко⁸.

Две другие практически неизвестны. Они относятся к проблеме распределения русских сухопутных сил в начале кампании 1855 г. между различными театрами военных действий. Эта тема нередко вообще выпадала из поля зрения исследователей Восточной войны, хотя именно решения, принятые зимой 1855 г., во многом запрограммировали сроки падения Севастополя и патового окончания Крымской кампании.

В двух обзорных записках от 3 марта 1855 г. под названием «Обзор последовательных изменений в плане действий на случай войны с Австрией» и от 9 марта под названием «Соображения по некоторым новым предположениям на случай войны с Австрией»⁹ Милютин обобщил мнения старших военачальников

⁷ Бестужев И. В. Из истории Крымской войны 1853–1856 гг. // Исторический Архив. 1959. № 1. С. 204–208. Он же. Крымская война и революционная ситуация // Революционная ситуация в России. 1859–1861. Т. 3. М., 1963. С. 189–213.

⁸ Габелко Д. Е. Д. А. Милютин и «Записка, подготовленная для военного министра к совещанию, происходившему в Зимнем дворце, о том, соглашаться ли или нет на мир», 19 декабря 1855 г. // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. Серия: «Гуманитарные науки и образование. Экология»: Научный журнал. 2012. № 1 (9). Тольятти, 2012. С. 155–160.

⁹ Оригиналы записок, подготовленных Милютиным в марте 1855 г. под несколько иными названиями «Проект распределения сил на Западной границе» и «О военных приготовлениях на случай войны с Австрией», находятся в личном фонде Д. А. Милютина в Отделе рукописей Российской Государ-

относительно наиболее выгодных и оптимальных вариантов развёртывания русских войск на случай войны с Австрией, высказав при этом также и свои собственные соображения. Мнения, обобщённые в записках, относились к событиям зимы 1854–1855 гг. Зимние месяцы становились периодами затишья, когда активные боевые действия прекращались. Время до начала следующей кампании использовалось для перегруппировки сил. Огромные расстояния создавали проблему пространственной разобщённости театров военных действий. Фактически в ходе одного сезона накануне открытия кампании русская армия была в состоянии совершить лишь одну большую перегруппировку¹⁰. В периоды осенней и весенней распутицы крупные перемещения войск становились невозможны. На летние же месяцы приходились наиболее интенсивные боевые действия.

В 1853–1854 гг. первоначально не предвещавший серьёзных осложнений ближневосточный кризис стремительно перерос в изнурительную войну, в которой изолированная Россия была вынуждена сражаться без союзников и в условиях плотной международной изоляции. Опасность исходила практически по всему периметру границ необъятной империи Николая I. Всё это делало выжидательную стратегию, по сути, безальтернативной.

В конечном итоге, несмотря на понесённое поражение, России удалось избежать наихудшего сценария, который неизбежно последовал бы в том случае, если бы германские державы, — в первую очередь Австрия и Пруссия, — присоединились к числу её активных противников. Фактор мобилизации и развёртывания австрийских вооружённых сил на русских границах играл решающую роль как в вынужденном прекращении летом 1854 г. Дунайской кампании, так и в неудачном исходе борьбы за Севастополь.

История подготовки России к несостоявшейся кампании на западном театре военных действий относится к числу наименее известных эпизодов Восточной войны 1853–1856 гг. Сложные отношения Петербурга с Венной, а также возможность непри-

ственной Библиотеки; см.: ОР РГБ. Ф. 169. Карт. 20. Ед. хр. 21. Л. 1–7 и Ед. хр. 25. Л. 1–12. Подробнее см.: *Габелко Д. Е. Д. А. Милютин в годы Крымской войны*. С. 68.

¹⁰ Мнение австрийского командования по данному вопросу, отражённое в русском агентурном донесении, см.: РГВИА. Ф. 14 014. Оп. 2. Д. 243. Л. 73–80 об.

тельского вторжения в западные области Империи вынуждали Россию держать главные силы своей сухопутной армии в Польше, на Днестре и на Волыни.

Ненадёжность австрийского нейтралитета на протяжении практически всей Восточной войны серьёзно осложняла положение России. В течение XIX в. соперничество обеих империй на Балканах постепенно обострялось. Уже в конце XVIII столетия в годы правления императора Иосифа II цели русской политики в регионе вызвали у австрийского двора определённую тревогу. В разгар борьбы с наполеоновским господством в Европе выдающийся австрийский полководец эрцгерцог Карл с тревогой взирал на потенциальную угрозу, исходившую, с его точки зрения, от России. Столкновение русско-австрийских интересов отчётливо проявилось на Венском конгрессе и в годы Русско-Турецкой войны 1828–1829 гг. Позднее герой войны 1848–1849 гг. фельдмаршал Й. Радецкий открыто высказывал мысль о том, что именно Россия представляет для империи Габсбургов главную военную опасность¹¹.

Несмотря на помощь, оказанную Австрии в ходе подавления Венгерской революции, и при отсутствии между Веной и Петербургом принципиальных расхождений в вопросе о политическом устройстве Германии, канцлер Ф. цу Шварценберг стремился помешать окончательному закреплению за Николаем I роли арбитра в немецких делах.

После его кончины в апреле 1852 г. придворные круги в Австрии так и не выработали единого мнения относительно ближайших задач австрийской политики. Новый канцлер К. Ф. фон Буоль под впечатлением от прогрессирующего упадка Османской империи высказывал мысль о необходимости соглашения с Россией по вопросу о возможном разделе европейских владений Турции. Первоначальное мнение Буоля о нежелательности прямого столкновения с Россией разделял Радецкий и часть генералитета. Полководец на протяжении нескольких десятилетий с тревогой взирал на возвышение сербского государства. Радецкий рассматривал Сербию как базу для возможного восстания южных славян, которое создавало угрозу самому существованию Дунайской монархии. Стремясь предотвратить это, командование австрийской

¹¹ *Rothenberg G. E. The army of Francis Joseph. West Lafayette, Indiana, 1976. P. 49.*

армии готово было пойти даже на прямую оккупацию Сербии, Боснии и Албании¹².

Иной точки зрения придерживалась придворная партия, возглавляемая министром внутренних дел А. фон Бахом и министром финансов бароном К. фон Бруком. Они выступали сторонниками решительного ограничения влияния России через тесное взаимодействие с Великобританией и Францией.

Вена, как и морские державы, была обеспокоена возможным ростом влияния России на Балканах. Канцлер К. Ф. фон Буоль полагал, что дальнейшее проникновение России на полуостров способно угрожать жизненным интересам Австрии, поскольку делало ненадёжной лояльность славянских подданных империи Габсбургов.

Наконец, вернувшийся из изгнания князь К. Л. Меттерних убеждал Франца Иосифа в необходимости сохранить Османскую империю в качестве консервативного оплота против нежелательного для Австрии влияния как России, так и морских держав.

Пруссию Восточный вопрос напрямую не затрагивал, основной задачей её внешнеполитического курса было усиление собственного влияния в Германии. Поскольку, как показали события 1848–1850 гг., на пути политического объединения немцев стояла не только Австрия, но и Россия, Берлин был заинтересован в некотором её ослаблении. К февралю 1854 г. глубина международной изоляции России стала неприятной неожиданностью для Николая I.

В конце января 1854 г. миссия А. Ф. Орлова в Вене, где он должен был добиться согласия Австрии на дружественный нейтралитет в начавшейся войне, завершилась неудачей. Сразу после отъезда Орлова австрийцы начали мобилизацию армии и выдвижение войск на границу. В первую очередь, австрийские войска сосредотачивались на границе с Сербией, восстание в которой представляло значительную опасность для Дунайской монархии.

15 февраля союзники предъявили ультиматум России, требуя очистить Придунайские княжества. Николай I не ответил, и 27–28 марта последовало объявление войны. Пруссия вслед за Австрией также отказалась подписать с Россией договор о нейтралитете. В то же время обе державы отказались и от англо-французского предложения примкнуть к их союзу, но, тем не ме-

¹² Ibid. P. 49–50.

нее, совместно с морскими державами согласились подписать протокол, подтверждавший целостность владений турецкого султана и признание прав христиан¹³. Фактически это означало присоединение обеих германских держав к ультиматуму союзников, а также общее стремление нейтрализовать влияние России в пределах Османской империи.

Из-за позиции, занятой австрийским правительством, главнокомандующему Большой Действующей армией генералу-фельдмаршалу князю И. Ф. Паскевичу пришлось серьёзно пересмотреть план предстоящей кампании на Дунае. Намеченная переправа у Виддина была отменена. От попыток спровоцировать славянское восстание решено было воздержаться. Впоследствии русская армия вообще очистила территорию Малой Валахии, примыкавшую к сербской и австрийской границе.

В период между 1831 и 1855 гг., то есть на протяжении большей части царствования императора Николая I, именно фельдмаршал князь Варшавский граф И. Ф. Паскевич-Эриванский оставался центральной фигурой в русском военном планировании. Созданная в 1831 г. Большая Действующая армия стала крупнейшим объединением полевых войск Империи. Она играла ключевую роль в военной политике Николая I. Армия состояла из I, II, III и IV пехотных корпусов, её штаб располагался в Варшаве. На армию, бесменным главнокомандующим которой в 1831–1855 гг. был князь Паскевич, возлагался комплекс важнейших взаимосвязанных задач. Во-первых, на основе Действующей армии в случае начала серьёзной войны в Европе предполагалось боевое развёртывание русских военно-сухопутных сил. Во-вторых, Действующая армия напрямую отвечала за внутреннюю безопасность в Царстве Польском и несла на его территории гарнизонную службу. В-третьих, Действующая армия, получив подкрепления в виде пехотных и резервных кавалерийских корпусов второй линии, должна была стать главной ударной силой на театре войны. Главный штаб армии был одновременно органом строевого, местного и полевого управления войсками, существовавшим на постоянной основе в мирное время¹⁴, а входив-

¹³ Дубровин Н. Ф. Восточная война 1853–1856 гг. Обзор событий по поводу сочинений М. И. Богдановича. СПб., 1878. С. 9.

¹⁴ Столетие Военного Министерства 1802–1902. Т. 1. Данилов Н. А. Исторический очерк развития военного управления в России. СПб., 1902. С. 242, 358.

шие в его состав офицеры и генералы нередко занимали должности в администрации Польского наместничества.

В ходе общего боевого развёртывания русских сухопутных войск накануне и в начале Крымской войны Придунайские княжества оказались заняты армией генерал-адъютанта М. Д. Горчакова, главной силой которой стали III и IV пехотные корпуса. Войсками, прикрывавшими Царство Польское, командовал генерал-адъютант Ф. В. Ридигер. Его армия состояла из I, II и Гренадерского корпусов. Поскольку армии Горчакова и Ридигера создавались на базе Большой Действующей армии, общее руководство ими сохранялось за фельдмаршалом Паскевичем.

Так как к февралю 1854 г. потенциальная военная угроза наметилась по всему периметру западной границы, Паскевич, с одной стороны, хотел свести к минимуму риск дальнейшего расширения конфликта, с другой — стремился к последовательному укреплению положения России на обозначившихся театрах военных действий. «Мы можем, — надеялся главнокомандующий, — укрепившись сначала на Дунае, удерживать Германию и даже угрожать ей, и затем охраняться только против десантов Англии и Франции»¹⁵.

Международная обстановка в первые месяцы 1854 г. была изменчивой. В докладной записке от 13 февраля 1854 г., адресованной Николаю I, Паскевич пока ещё именовал Австрию «шатким союзником», которым якобы движут опасения того, что, в случае успеха, Россия не сдержит обещание о сохранении целостности Османской империи¹⁶.

Отношение Паскевича к продолжению Дунайской кампании становилось всё более негативным по мере увеличения количества австрийских войск вдоль русских границ. В записке от 8 февраля

¹⁵ РГВИА. Ф. 14 013. Оп. 1. Д. 4. Л. 53–74 об. Записка, составленная фельдмаршалом И. Ф. Паскевичем, для Николая I в Петербурге 8 февраля 1854 г. Хранится в деле: «Записки главнокомандующего армией генерал-фельдмаршала Паскевича и командующего войсками III-го, IV-го и V-го пехотных корпусов генерал-адъютанта Горчакова 2-го о положении в Европе, о военных приготовлениях России, действиях на Дунае и организации защиты Ревеля и Балтийского моря».

¹⁶ Там же. Д. 3. Л. 6–9. Докладная записка И. Ф. Паскевича Николаю I от 13 февраля 1854 г. Хранится среди других записок фельдмаршала в деле: «Записки главнокомандующего армией генерал-фельдмаршала Паскевича о политике Англии и о взаимоотношениях России и Австрии».

1854 г. он ещё признавал возможными активные действия русской армии на Дунае, взятие Силистрии и разгром полевой турецкой армии. Победа на Придунайском театре позволяла, с его точки зрения, высвободить III-й пехотный корпус для боевых действий на западном стратегическом направлении. Выведенный с Дуная III корпус, усиленный двумя пехотными дивизиями VI корпуса, позволял сформировать отдельную армию для локтевой связи между силами Горчакова и Ридигера. Так впервые была озвучена идея разделения Большой Действующей армии не на две, а на три группировки и формирования Средней армии на Вольни. Но осуществить её при значительно изменившихся обстоятельствах удалось лишь весной 1855 г.

Весной 1854 г. по мере развертывания австрийцев на фланге и в тылу армии Горчакова главнокомандующий признавал продолжение Дунайской кампании всё менее целесообразным. Однако убедить императора Николая вывести русские войска из Княжеств удалось лишь с большим трудом. И хотя самодержец разделял основные положения аргументации военачальника, он лишь в июне 1854 г. согласился последовать совету об очищении Княжеств.

Несмотря на то, что уже с конца февраля Паскевич рассматривал кампанию на Дунае как стратегически бесперспективную, 12 апреля фельдмаршал прибыл под осажденную Силистрию и лично возглавил армию. Николай I смотрел на дело иначе. Хотя император прекрасно понимал опасность австрийских военных приготовлений, он считал, что Силистрию можно и нужно взять до их завершения, а также пока союзники не накопили в Причерноморье значительных сил.

Помимо исполнения высочайшей воли в действиях фельдмаршала имелся ещё один важный мотив. С его точки зрения, форсирование Дуная и осада Силистрии могли сыграть роль отвлекающего манёвра с целью выигрыша времени. Кампания на южном берегу Дуная до тех пор, пока концентрация австрийских войск на фланге и в тылу армии не приобрела угрожающие размеры, позволяла удерживать войска союзников на Балканах и защищать таким образом Черноморское побережье России¹⁷.

¹⁷ Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич, его жизнь и деятельность. Т. 7. СПб., 1904. С. 142–143.

В это же самое время главнокомандующий тщательно готовил будущую позицию русской армии за Днестром, отступление на которую он считал неизбежным. В городах Бессарабии и Новороссии, особенно в Одессе, для русских войск создавались большие запасы продовольствия¹⁸, спешно укреплялись стратегически важные прибрежные города.

Тем временем угроза со стороны австрийцев постепенно нарастала. В конце апреля Паскевич начал вывод войск из Малой Валахии, с одной стороны, чтобы не провоцировать Австрию действиями вблизи Сербии, с другой — чтобы эти войска не попали под австрийский удар со стороны Трансильвании. 6 мая 1854 г. русский посланник при австрийском дворе граф Э. Г. Штакельберг докладывал: «< ... > Австрия одна может принести нам более вреда, чем Англия, Франция и Турция вместе взятые. Захочет ли она сделать это без поддержки Пруссии, которая более к нам расположена, вопрос будущего»¹⁹.

Всё ещё связанный распоряжениями императора Паскевич был вынужден продолжать осаду Силистрии, хотя, по его мнению, «риск делается почти невозможным и, во всяком случае, неблагоприятным и лишним»²⁰. 28 мая во время рекогносцировки крепости он был контужен ядром. Фельдмаршалу пришлось сдать командование М. Д. Горчакову и уехать в Яссы, откуда 10 июня он снова пытался убедить Николая I отступить за Дунай²¹. Император отлично понимал потенциальную угрозу, исходившую от Австрии, но до июня 1854 г. всё ещё не считал положение опасным настолько, чтобы прекратить осаду Силистрии.

19 июня Паскевичу, находившемуся в Яссах на лечении после контузии, была доложена приблизительная дислокация 2-го, 4-го, 9-го, 10-го, 11-го и 12-го австрийских корпусов, сосредоточенных на границах России²². В начале июля было установлено, что общая численность австрийских войск вскоре достигнет 300 000 чел., из которых 70 000 сосредоточены в районе Кракова, не менее

¹⁸ Поливанов А. А. Очерк устройства продовольствия русской армии на придунайском театре в кампании 1853–1854 и 1877 гг. СПб., 1894. С. 125–128.

¹⁹ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 2. Ч. 2. СПб., 1913. С. 1022.

²⁰ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 147.

²¹ Там же. С. 184.

²² РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 14. Л. 176–177.

50 000 — в Трансильвании²³, 30 000 — около Лемберга (Львова), 40 000 — в остальной Галиции и 90 000 — на Буковине²⁴.

Развёртывание австрийцами такого количества войск, наконец, убедило Николая I в справедливости доводов главнокомандующего. 12 июня от императора пришло приказание прекратить осадные работы. Получив разрешение, Паскевич немедленно увел войска за Дунай, сохранив небольшой плацдарм у Тульчи и Исаки.

20 июня 1854 г. Паскевич переехал в Гомель, где продолжил лечение. Оказавшаяся безрезультатной Дунайская кампания была прекращена, и русская армия начала возвращаться в пределы Империи. 10 августа Омер-паша занял Бухарест, но вскоре, по соглашению с союзниками, турок сменили австрийцы. В конце августа армия Горчакова отошла за Прут на территорию Бессарабии. Командующий располагал весьма внушительными силами, насчитывавшими 8 пехотных дивизий, 4½ дивизий кавалерии, 3 стрелковых и 3 саперных батальона, 8 казачьих полков и 392 орудия — всего до 120 000 чел.²⁵

После завершения Дунайской кампании русская армия была готова встретить австрийское вторжение на более удачных позициях. Войска располагались за Днестром, к Пруту были выдвинуты только передовые отряды. К северу от позиций Горчакова, на Вольни, находился созданный Паскевичем в мае 1854 г. отряд генерала И. П. Шабельского в составе трёх дивизий резервной кавалерии и 6-й пехотной дивизии²⁶. Ещё севернее — в Царстве Польском — в боевой готовности стояла армия Ф. В. Ридигера, имевшая для действий в направлении австрийской границы шесть пехотных дивизий, не считая войск в гарнизонах.

После завершения вывода русских войск из Придунайских княжеств, прочность обороны западной границы России уже не вызывала у Паскевича столь острых опасений, хотя, по сведениям на 21 августа 1854 г., численность австрийских войск только лишь в Галиции и на Буковине составляла 200 000 чел.²⁷ Определённое беспокойство внушала лишь ситуация на Вольни, поскольку стра-

²³ Там же. Л. 109–109 об.

²⁴ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 7. Д. 31. Л. 46–47 об.

²⁵ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 гг. Изд. 2. Т. 2. СПб., 1877. С. 107.

²⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1057. Л. 9.

²⁷ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 61. Л. 4.

тегически важное шоссе Варшава–Брест–Киев проходило вдоль Припятских болот в непосредственной близости от границы с Австрией. В условиях, когда главные силы III и IV корпусов вернулись с Дуная, появилась возможность усилить войска, прикрывавшие Волынь.

Паскевич полностью разделял идею военного теоретика генерал-адъютанта А.-А. Жомини, который, так же как и сам главнокомандующий, пришёл к мысли, что наиболее рациональным решением станет разделение русских войск на западе на три самостоятельные армейские группировки²⁸. В этом случае русская армия получала возможность парировать фланговым ударом вторжение австрийцев на любом возможном операционном направлении.

Несмотря на то, что в центре внимания главнокомандующего оставались германские державы, он не забывал об опасности возможных десантов на Черноморском побережье России. Однако в условиях противостояния практически со всеми великими державами Россия не могла обеспечить надёжную оборону всех своих протяжённых границ. «Если бы была отдельная война только на берегах Черного моря, – писал Паскевич в докладе от 8 февраля 1854 г., – то ничто бы нам не помешало собрать сколько можно более войск. Но не таково теперь наше положение. Нам необходимо изыскать все средства, уменьшив, где только нужно, число войск, обратить их туда, где они, действительно, необходимы»²⁹.

8 (20) апреля 1854 г. под давлением Австрии Пруссия согласилась заключить с ней наступательный и оборонительный союз. Берлин включил в текст договора важную оговорку, в соответствии с которой соглашение вступало в силу только в случае «угрозы общегерманским интересам». Поскольку под угрозой германским интересам на дипломатическом языке того времени де-факто понималось только русское вторжение в Австрию, во всех остальных случаях разрыв между Пруссией и Россией становился маловероятным³⁰.

²⁸ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 241–242.

²⁹ РГВИА. Ф. 14013. Оп. 1. Д. 4. Л. 53–74 об. Докладная записка И. Ф. Паскевича от 8 февраля 1854 г., см. сноску 15.

³⁰ РГВИА. Ф. 207. Оп. 1. Д. 164. Л. 2.

На то, какую важность имеет для России сохранение Берлином нейтралитета, в своих письмах Паскевичу весной и летом 1854 г. указывал и генерал-адъютант Ф. В. Ридигер, командовавший русскими войсками в Польше. «Если же <...> Пруссия не останется равнодушной свидетельницей, — писал Ридигер фельдмаршалу 26 июня 1854 г., — то военные соображения наши должны совершенно измениться. Принимая во внимание военное устройство этого государства, сеть железных дорог его покрывающих и возможность с помощью их быстро сосредоточить значительное число войск на нашей границе, между тем, как мы не в состоянии противопоставить никаких подобных способов при огромных расстояниях от средоточия наших главных резервов, — нельзя, к сожалению, не убедиться, что значительный перевес неприятеля может поставить нас в немаловажное затруднение»³¹.

Не меньший интерес представляют замечания генерала Ридигера о достоинствах и недостатках польского выступления как передовой стратегической позиции, которые до настоящего времени не были известны в научной литературе. Уже в 1830–1840-е гг. в обстановке беспрецедентно тесных союзных отношений Петербурга и Берлина выступ как исходный район сосредоточения императорской армии начал играть совершенно особую роль в русском военном планировании. Развитая тыловая инфраструктура, созданная в Польше в 1830-е гг., была незаменима в том случае, если бы русской армии довелось действовать против французов в союзе с Пруссией. Выдвинутый на запад операционный базис сокращал сроки развёртывания русских корпусов, что увеличивало шансы на своевременное соединение Действующей армии с пруссаками. Лишь полное изменение военно-политической обстановки после 1871 г. изменило и роль передового театра на Висле. В результате создания объединенной Германской империи и, затем, оформления её союза с Австро-Венгрией, польский выступ оказался с трёх сторон окружённым неприятельской территорией, и его оборона стала со временем для России трудноразрешимой стратегической проблемой.

В 1854–1855 гг. при резком обострении отношений Петербурга с германскими державами проблема обороны Царства Поль-

³¹ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 51. Л. 122. Письмо Ф. В. Ридигера И. Ф. Паскевичу от 26 июня 1854 г.

ского также вышла на первый план. Этого опасался Паскевич, разбирая проблему намного ранее — в своей программной записке 1845 г. Те же опасения были высказаны Ридигером в июне 1854 г. «Стратегическое положение Царства Польского столь выгодное для нас в войне наступательной, — утверждал генерал Ридигер, — получает уже совершенно другое значение, когда мы вынуждены будем ограничиться обороной. Пруссия и Австрия, не говоря уже о беспрепятственном занятии левого берега Вислы, имеют всю возможность двумя наступающими армиями охватить край с двух сторон на правом берегу этой реки, и с первых же шагов обойти линию крепостей наших. Защищать правый берег Вислы и, вместе с тем, прикрывать главные сообщения с Империей, а именно: через Ковно и Динабург к столице, через Брест и Бобруйск внутрь Империи и через Устилуг и Житомир к Киеву, — с теми силами, которые теперь находятся в Царстве Польском, конечно, невозможно, сколь бы ни были искусны и решительны наши действия, ибо для этого нужно было бы разделить войска и через это подвергнуться почти верному поражению; устремляться же со всеми силами с одного направления на другое не дозволяет отдалённость расстояний»³².

В создавшемся положении Ридигер, как и фельдмаршал Паскевич, не видел иного выхода, кроме всемерного усиления русской армии на западном театре военных действий. «Этот общий взгляд достаточно доказывает, — писал Фёдор Васильевич, — сколь важно было бы для нас усиление войск наших на западной границе. Дабы с надеждою успеха вступить в борьбу с германскими державами и быть в возможности удержать за собой правый берег Вислы, нужно иметь если не две армии, которых образование в настоящую минуту невозможно, то, по крайней мере, сильный вспомогательный корпус между Неманом и Двиной, который, прикрывая главные сообщения наши с столицей, мог, вместе с тем, угрожать во фланг и тыл наступающим прусским войскам. Тогда, собственно, здешняя армия могла бы уже с уверенностью в успехе, всеми силами обратиться исключительно против австрийцев и стараться не только не допускать их до соединения с их союзником,

³² Там же. Л. 122–122 об. Письмо Ф. В. Ридигера И. Ф. Паскевичу от 26 июня 1854 г.

но даже, при благоприятных обстоятельствах, перейти в наступление и против сих последних»³³.

В военно-стратегическом смысле апрельский договор между Венной и Берлином ставил крест на любых планах превентивного наступления русской армии против австрийских войск, продолжавших сосредоточение на границе. Любая попытка вести войну на территории Австрии означала риск разрыва со всей Германией. Совокупный военный потенциал 34 государств Германского союза позволял в теории при «соединенных действиях» развернуть армию численностью 1 200 000 чел.³⁴ Паскевич неоднократно указывал на это обстоятельство в переписке с генерал-адъютантом Жомини летом и осенью 1854 г.³⁵ С апреля 1854 г., по глубокому убеждению Паскевича, русско-австрийская война могла вестись только на территории России.

Итак, трактат от 20 апреля 1854 г. связывал русскому командованию руки тем, что ограждал австрийцев от угрозы наступления в Галиции. В переписке с Паскевичем Ридигер предлагал наиболее оптимальные варианты использования своих весьма ограниченных сил, имея в виду столкновение как с одной лишь Австрией, так и с австро-прусской коалицией.

До того, как условия трактата 20 апреля сделались известными русскому командованию, последнее склонялось к идее парировать угрозу коммуникациям Дунайской армии через создание контр-угрозы австрийской Галиции. Однако детали данного плана вызвали разногласия между Ридигером и Паскевичем.

Зная, что задуманная Ридигером осторожная оборонительная диспозиция предварительно была одобрена императором Николаем, фельдмаршал Паскевич, хотя и был старше генерал-адъютанта Ридигера по званию, не приказал, но предложил Федору Васильевичу стянуть вверенные ему дивизии на австрийскую границу. Фельдмаршал имел в виду расположить армию в Царстве Польском так, «чтобы, занимая крепости резервами, можно было иметь свободными шесть дивизий пехоты и две или даже две с половиной дивизии кавалерии, для употребления их там, где необходимость потребует»³⁶. В случае сосредоточения главных сил Ри-

³³ Там же. Л. 123.

³⁴ Там же. Ф. 14 014. Оп. 2. Д. 20. Л. 25 об.

³⁵ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 211–221, 226–243, 264.

³⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1057. Л. 2–5. Письмо И. Ф. Паскевича Ф. В. Ридигеру от 16 мая 1854 г.

дигера в южных воеводствах Польши, «австрийцы, — по мнению Паскевича, — не решатся отделить из Галиции войск своих для направления их на сообщения наши через Подолию и Молдавию»³⁷.

Однако опасавшийся двойного охвата с севера и юга Федор Васильевич, до окончательного прояснения внешнеполитических отношений с Берлином, не желал рисковать и оголять границу с Восточной Пруссией. Вместо этого он стремился держать свои силы в центральной части польского выступа. «<...>В настоящую минуту, — отвечал Ридигер фельдмаршалу, — когда обстоятельства не совершенно ещё объяснились, вывод всех войск из этой части края и одно общее сосредоточенное направление наших сил против Австрии, в том числе и гренадер, о прибытии коих в Варшаве возвещено во всех газетах, ясно обнаруживая наши намерения, могли бы произвести в политическом отношении невыгодное влияние»³⁸.

В Берлине, как следовало из полученного Ридигером разведывательного донесения, господствовали враждебные России умонастроения и активно действовала партия войны, под влиянием которой Пруссия «<...>могла бы легко быть увлечена к совокупному действию с Австрией, вследствие заключённого между обеими державами взаимного союза»³⁹. Наконец, «<...>обнажение западной части Царства Польского, — как указывал генерал Ридигер, — было бы опасно ещё и в том внимании, что крепость Новогеоргиевски Цитадель не очищены ещё и не приведены окончательно в то положение, чтобы могли быть предоставлены собственной обороне, при всей деятельности на этот предмет обращённой»⁴⁰.

Несмотря на огромное доверие к своему «отцу-командиру», на этот раз Николай I решил спор не в пользу Паскевича. 24 мая 1854 г. в письме генералу Ридигеру, копия которого через военного министра была отослана главнокомандующему, император признал, что «исполнение предположений фельдмаршала по теперешним обстоятельствам совершенно неудобноисполнимо по невозможности ни оголять Курляндии и Самогитии, а ещё меньше окрестно-

³⁷ Там же.

³⁸ РГВИА. Ф. 14 014. Оп. 2. Д. 51. Л. 49–49 об. Рапорт Ф. В. Ридигера И. Ф. Паскевичу от 23 мая 1854 г.

³⁹ Там же.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 14 014. Оп. 2. Д. 51. Л. 49 об. — 50.

стей Риги»⁴¹. Более того, поскольку «защита левого берега Вислы далее Радома и Ловича» была признана Николаем опасной, он повелел оставить на острие польского выступа лишь казаков⁴².

Как показывают материалы ранее не опубликованных источников, Ф. В. Ридигер играл в решении вопроса развёртывания войск на западной границе более активную роль, нежели та, что нашла отражение в записке Милютина. Суть предложений Ридигера сводилась к двум основным соображениям. Во-первых, к занятию фланговой позиции на Немане в случае разрыва с Пруссией. Во-вторых, к отводу русских войск от австрийской границы в географический центр польского выступа.

Итак, в 1854 г. на западной границе вероятность войны с Австрией была очень высока. Фактор потенциальной угрозы со стороны Пруссии также нельзя было полностью игнорировать. При одновременной войне и с Австрией, и с Пруссией, польский выступ легко мог превратиться для русской армии в западню. Передовой операционный базис, создававшийся в 1830–1840-е гг. в первую очередь на случай действий России в союзе с германскими державами против Франции, в изменившихся условиях становилось практически невозможно удержать.

В начале августа 1854 г. Паскевич от Вислы до Черного моря располагал войсками: I, II, III, IV пехотных корпусов, а также 15-й и 16-й дивизиями, соответственно, V и VI корпусов. В районе Варшавы развернулись две дивизии Гренадерского корпуса. Во втором эшелоне расположились I и II Резервные кавалерийские корпуса, поддержанные резервными пехотными бригадами и дивизиями.

К осени 1854 г. фельдмаршал надеялся сосредоточить на границе Австрии главные силы Действующей армии, чтобы при необходимости парировать её наступление на наиболее вероятных направлениях. Однако англо-французский десант в Крыму сорвал планы главнокомандующего по уплотнению обороны на западе. На Воыни сохранялась слабо прикрытая 400-км брешь. Осенью 1854 г. войска, необходимые для обеспечения устойчивой локтевой связи между армиями Горчакова в Бессарабии и Ридигера в Польше, потребовалось срочно направить в Крым.

⁴¹ Там же. Л. 69. Копия письма Николая I Ф. В. Ридигеру от 24 мая 1854 г.

⁴² Там же. Л. 69 об.

Уже в октябре из состава Южной армии М. Д. Горчакова, выведенной летом с Дуная и отвечавшей теперь за оборону пространства от Полесья до Черного моря, в распоряжение командующего русскими войсками в Крыму генерал-адъютанта А. С. Меншикову были переданы дивизии IV-го пехотного корпуса под командованием генерала П. А. Данненберга.

В результате к ноябрю 1854 г. русская армия оказалась рассредоточенной на громадном пространстве. Армия Ридигера в Польше имела 144 батальона пехоты и 97 эскадронов кавалерии, Горчаков на Днестре — 149 батальонов и 203 эскадрона, Меншиков в Крыму — 169 батальонов и 79 эскадронов, кроме того, 229,5 батальона и 118 эскадронов защищали балтийское побережье⁴³.

Быстрое ослабление Южной армии М. Д. Горчакова, вынужденной посылать в Крым резервы из своего состава, сильно встревожило Паскевича. Когда в декабре 1854 г. зашла речь об отправке Меншикову дивизий ещё и III корпуса, Паскевич категорически возражал. Он направил Горчакову письмо, в котором указал, что отныне «дело идёт уже не о Севастополе, но о лучших наших южных провинциях, и может быть и о Царстве Польском; то есть о населении почти 15 миллионов»⁴⁴.

Совещания Паскевича с Николаем I и военным министром, результаты которых обобщались в записках Милютина, продолжались до начала февраля 1855 г. Участникам совещаний предстояло определить то направление, откуда для России исходит главная опасность, выработать план кампании на следующий год и в соответствии с ним распределить войска.

Австрийцы, в случае войны, могли действовать на трёх направлениях: против армии Ридигера в Польше, против армии Горчакова в Бессарабии, либо на Волыни, то есть вклиниваясь между ними.

Ридигер имел под своим командованием 6 пехотных дивизий I, II и Гренадерского корпусов. Его войска опирались на крепости Ивангород, Замостье и Брест-Литовск. Завоевание Царства Польского без активной помощи прусской армии было Австрии не по силам.

⁴³ РГВИА. Ф. 14 014. Оп. 2. Д. 48. Л. 8–9.

⁴⁴ Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 7. Л. 69. Цитированный фрагмент — из письма И. Ф. Паскевича М. Д. Горчакову от 8 декабря 1854 г. Хранится в деле: «*Письма Паскевича Горчакову о подготовке, событиях и планах ведения войны, об отношении австрийского и прусского правительств к России*».

Предполагавшееся наступление австрийцев в Бессарабии представлялось более опасным. Южная армия Горчакова была ослаблена, поскольку подкрепления для Меншикова в Крыму посылались именно из её состава. Австрийцы могли выйти на левый берег Днестра и двинуться к Одессе и Николаеву. Удар на южном направлении стратегически приближал их к осадной армии союзников в Крыму и для России был чрезвычайно опасен. Парировать такое наступление было практически нечем, поскольку войска Ридигера находились слишком далеко, а армии на Волыни пока не существовало.

Не менее тяжелые последствия могло иметь наступление австрийцев на Волыни, в районе Дубно, Кременца и Острога. От Царства Польского до Брацлава зияла 400-км брешь, прикрытая лишь несколькими батальонами пехоты и кавалерией. Такой удар ставил под угрозу Житомир, а в перспективе и сам Киев. Выход противника к Полесью фактически вбивал клин между армиями Горчакова и Ридигера.

Противостоять такому вторжению было бы нелегко. Южная армия на Днестре оставалась слишком слабой для нанесения флангового удара. Войска Ридигера в Царстве Польском, из-за австро-прусского договора 8 (20) апреля 1854 г. не могли угрожать Галиции. Единственным средством изменить положение становилось наступление армии Ридигера вдоль Припятских болот по шоссе на Киев.

Паскевич продолжал считать Австрию наибольшей угрозой и потому требовал концентрации всех свободных сил в Польше. Он хотел собрать между Брестом и Варшавой ударный кулак в 200 батальонов и 200 эскадронов. Помимо сдерживания Австрии, такая концентрация сил была единственным способом действий в том крайнем случае, если Пруссия вступила бы в войну или если бы австрийская армия усилилась бы французским экспедиционным корпусом.

Весной и летом 1855 г. русское командование всерьез опасалось появления французской армии на западе. Лишь позднее стало ясно, что для мобилизации ещё одной армии у Наполеона III просто не было резервов, а сама идея появления французских войск в Германии была политически неприемлема для Пруссии и германских государств⁴⁵.

⁴⁵ Там же. Ф. 14 014. Оп. 7. Д. 31. Л. 130.

Князь М. Д. Горчаков, назначенный в феврале 1855 г. главнокомандующим Южной и Крымской армиями, придерживался несколько иного мнения. Он признавал опасность со стороны Австрии, но настаивал на первостепенной важности сохранения за Россией Крыма. Ф. В. Ридигер рассматривал варианты максимально эффективного использования своих войск в случае австрийского вторжения. Николай I, в принципе, склонялся к точке зрения Паскевича и при любых действиях в Крыму требовал безусловного сохранения за Россией Царства Польского. В соответствии с этим решением в Польшу были направлены две гвардейские пехотные дивизии.

Во время 6-недельного пребывания в столице Паскевич заметил, что цесаревич Александр Николаевич в гораздо большей степени, чем Николай I, разделяет настроения общественного мнения и важнейшей считает борьбу в Крыму⁴⁶.

2 февраля Иван Федорович покинул Петербург и вернулся в Варшаву, а 18 февраля скончался Николай I. Смерть монарха сразу же изменила многое в плане будущей кампании. М. Д. Горчаков сменил А. С. Меншикова и, пользуясь правами главнокомандующего на Юге России, направил в Крым дополнительно 2½ пехотные и одну драгунскую дивизии, что составляло в общей сложности 40 батальонов, 30 эскадронов и 6 казачьих сотен. Подкрепления были взяты из Южной армии, которая после этого сократилась до размеров корпуса. Генерал-адъютант А. Н. Лидерс, который теперь командовал войсками в Бессарабии, для действий в поле располагал только 34 батальонами и 80 эскадронами общей численностью 50 000 чел. Столь слабыми силами невозможно было противостоять австрийцам, если бы они решились вторгнуться в Россию на юге.

В таких условиях было принято решение о создании третьей армии. Эта идея ещё ранее, в первой половине 1854 г., высказывалась Паскевичем, Жomini и Николаем I, но тогда в Крыму не требовалось держать три корпуса. Весной же 1855 г. для создания армии на Волыни пришлось взять у генерала Ридигера II-й пехотный и Гренадерский корпуса. Теперь оставшиеся в Польше русские войска могли лишь обороняться. 30 мая был издан приказ о разделении армии Ридигера на Западную и Среднюю армии.

⁴⁶ Щербатов А. П. Указ. соч. С. 283.

Александр II, видимо, исходил из того, что война с Пруссией маловероятна, а два корпуса, взятых у Ридигера, в случае вторжения австрийцев в Бессарабию или на Волынь, больше пригодятся южнее Полесья. После восшествия Александра II на престол генерал Ридигер был отозван в Петербург и сменил его в должности главнокомандующего Гвардией и Гренадерами. Командующим Западной армии был назначен командир Гвардейского корпуса генерал С. П. Сумароков⁴⁷. Основой Западной армии стали именно гвардейские части. Она насчитывала 59 батальонов, 53 эскадрона, 52 казачьи сотни и 212 орудий в полевых войсках, а также 47 батальонов, 2 эскадрона и 48 полевых орудий в гарнизонах крепостей Царства Польского⁴⁸. Бывший командир II пехотного корпуса и герой Венгерской кампании 1849 г. генерал-адъютант Ф. С. Панютин занял должность командующего Средней армией на Волыни. Вверенные ему силы насчитывали 93 батальона, 114 эскадронов, 42 казачьи сотни и 320 полевых орудия⁴⁹.

В обсуждении планов обороны Юга России от предполагаемого австрийского вторжения принимали участие не только командующие армиями. 2 марта 1855 г. начальник штаба резервной кавалерии в военных поселениях Юга России генерал-лейтенант В. Ф. фон дер Лауниц представил военному министру князю В. А. Долгорукову доклад⁵⁰, в котором высказал мнение, что, в случае наступления австрийских войск со стороны реки Прут, русским войскам будет опасно отходить на Ольвиополь и Кременчуг. Такое эксцентрическое движение удалило бы Южную армию от главных сил на западе и ставило под угрозу открытый фланг отступавших войск. Кроме того, противник получал возможность отрезать Южную армию от Крыма. Вместо этого фон дер Лауниц предложил занять фланговую позицию между Днестром и Бугом, сохраняя связь с войсками в Польше. Это позволяло угрожать австрийским коммуникациям и не допустить прорыва неприятеля в глубь Украины. Если же по причине значительного численного превосходства противника русские войска всё же будут вынуждены отступить, то отходить следовало на Киев. В этом случае опе-

⁴⁷ Щербатов А. П. Указ. соч. С. 320.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 14 014. Оп. 2. Д. 68. Л. 44 об. — 45.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1316. Л. 1–5. Доклад В. Ф. Лауница военному министру В. А. Долгорукову от 2 марта 1855 г.

ративная связь с Западной армией сохранялась, а коммуникации противника растягивались. Фон дер Лауниц предположил, что, «вероятнее всего, неприятель при таком направлении наших войск никогда не осмелится идти за Балту»⁵¹.

М. Д. Горчаков отдал приказ командующему Южной армией генералу Лидерсу держаться между Днестром и Бугом, но в вопросе отступления к Киеву с точки зрения фон дер Лауница не согласился. Горчаков опасался того, что возможный отход в направлении на Киев оголит коммуникацию Крымской армии. Потерю оперативной связи с Западной армией Горчаков считал неизбежной в любом случае, так как район её возможных действий находился севернее Полесья⁵².

Данные мнения в начале марта 1855 г. были представлены на рассмотрение военному министру князю Долгорукову. Проанализировавший их генерал-квартирмейстер Главного штаба Его Императорского Величества генерал-адъютант В. К. Ливен пришел к выводу, что после создания Средней армии на Вольни положение сильно изменилось. Отныне Южная армия должна была иметь в виду упорную оборону между Днестром и Бугом, однако точное направление дальнейшего её отступления не представляется возможным указать заблаговременно⁵³. «<...>В настоящее время, — писал генерал Ливен, — относительно пути отступления ничего положительно не может быть определено, кроме видимой цели взаимного подкрепления обеих армий: Средней и Южной, а в случае перенесения главного театра действий из Крыма в Бессарабию и к Одессе, то, само собой разумеется, излишняя масса войск из Таврической губернии должна перенестись для подкрепления левого фланга обеих наших армий»⁵⁴. Категорическое несогласие с планами возможного отступления на Кременчуг фельд-маршал Паскевич высказал ещё в декабре 1854 г.⁵⁵

К его большому облегчению весной — летом 1855 г. нового широкомасштабного развёртывания австрийских войск не последовало. Острейший финансовый кризис накладывал на политику Австрии свои ограничения. Австрийская армия силь-

⁵¹ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1316. Л. 5.

⁵² Там же. Л. 6 об. — 7.

⁵³ Там же. Л. 8–10 об.

⁵⁴ Там же. Л. 10–10 об.

⁵⁵ Там же. Ф. 481. Оп. 1. Д. 13. Л. 21–40.

но страдала от болезней⁵⁶. Её совокупные санитарные потери в 1854–1855 гг. составили примерно 35 000 чел. умершими⁵⁷. 22 апреля военный агент сообщил Паскевичу о том, что нового рекрутского набора в 1855 г. в Австрии ещё не начиналось⁵⁸. 3 мая пришло важное сообщение о том, что австрийская армия не готова к вступлению в войну⁵⁹. Внушало определённый оптимизм и поведение Австрии на Венской конференции 15 марта — 4 июня 1855 г.⁶⁰

Наличие в разведывательных донесениях большого количества сведений, подтверждающих неготовность Австрии к вступлению в войну, объясняет тот факт, что фельдмаршал согласился с выводом двух корпусов из Польши. Улучшение обстановки на западе провоцировало у императора Александра II, а также у части генералитета и русского общественного мнения желание во что бы то ни стало добиться успеха в Крыму. Желая переломить ситуацию под Севастополем, император приказал отправить в Крым II-й пехотный корпус, одновременно выведенный с Волыни Гренадерский корпус занял позиции на Перекопе. Таким образом, Средняя армия, не успев сформироваться, сразу же потеряла большую часть своих дивизий⁶¹.

Паскевич, всегда противившийся накоплению сил в Крыму, весной 1855 г. проявлял странное терпение, видя уход на полуостров всё новых и новых дивизий. Этому можно предложить два объяснения. С одной стороны, его план сдерживания Вены увенчался успехом, и в новом 1855 г. повторного развертывания австрийских войск на русских границах не последовало. С другой стороны, формирование новых соединений из числа резервных и запасных войск в значительной степени заменяло уходящие в Крым батальоны.

После падения Севастополя Александр II в собственноручной записке, подготовленной в Москве 3 сентября 1855 г., определил приоритетность дальнейших военных задач. Первой задачей провозглашалась оборона Крыма. Второй — восстановление боеспо-

⁵⁶ Там же. Ф. 14 014. Оп. 7. Д. 31. Л. 134 об. — 135; Оп. 2. Д. 243. Л. 95–95 об.

⁵⁷ Урланис Б. Ц. Война и народонаселение Европы. М., 1960. С. 99–100, 352.

⁵⁸ РГВИА. Ф. 14 014. Оп. 7. Д. 31. Там же. Л. 105–106.

⁵⁹ Там же. Л. 130 об.

⁶⁰ Дегоев В. В. Внешняя политика и международные системы. С. 286–287.

⁶¹ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 325.

собности Южной армии и надежная защита Черноморского побережья и Новороссии⁶².

Хотя в записке императора не упоминалось прямо о Польше и Вольни, сокращение войск в Крыму должно было привести к тому результату, что группировка русских армий вновь приобретала очертания, выгодные с точки зрения подготовке к войне на западе. Теперь Крымская армия передавала резервы для усиления Южной.

К этому времени на полуострове находились 14 дивизий. В Крыму решено было оставить 7-ю, 8-ю, 9-ю пехотные и 7-ю резервную дивизии III пехотного корпуса и 10-ю, 11-ю, 12-ю дивизии IV корпуса. Их поредевшие полки было решено привести в 3-батальонный состав и укомплектовать за счет 4-й, 5-й и 6-й дивизий II пехотного корпуса, 16-й и 17-й дивизий VI корпуса и 15-й резервной V корпуса, кадры которых возвращались в Россию для доукомплектования. Таким образом, состав Южной армии увеличивался до 7-ми дивизий из 112 батальонов⁶³.

Общее распределение войск на 1856 г. устанавливало численность Крымской армии в 98 батальонов, 50 дружин государственного подвижного ополчения, 63 эскадрона, 97 казачьих сотен, 264 полевых и 68 конных орудий. Южная армия должна была насчитывать 127 $\frac{1}{4}$ батальонов, 44 дружины государственного подвижного ополчения, 209 эскадронов, 45 казачьих сотен, 368 полевых и 128 конных орудий⁶⁴.

В сентябре 1855 г. в письме императору, фельдмаршал справедливо отметил, что «положение дел наших с Австрией, в сущности, не изменилось сравнительно с прошедшим годом. Если Австрия не объявила нам доселе войны, то была удержана лишь сильной армией, собранной в 1854 г. в Польше»⁶⁵. «В 1854 г., — указывал фельдмаршал в записке неизвестному адресату от 24 сентября 1855 г., — мы остановили австрийцев только скорым отступлением за Серет и готовностью встретить их со 170-тысячной, а в 1855 г. — 200-тысячной армией, собранной в Польше»⁶⁶.

⁶² РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 68. Л. 105–112. Копия с собственноручной Государя Императора записки, составленной 3 сентября 1855 г. в Москве.

⁶³ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419. Л. 9, 149–152 об.

⁶⁴ Там же. Л. 189–224 об.

⁶⁵ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 341–342.

⁶⁶ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419. Л. 24–31 об. Записка И. Ф. Паскевича от 24 сентября 1855 г.

И на этот раз Паскевич советовал Александру II сосредоточить большие массы войск в составе Западной и Средней армий. 1 октября 1855 г. император ответил, что собрать 175 батальонов для Западной армии и 80–100 батальонов для Средней, как просит фельдмаршал, не представляется возможным⁶⁷.

В это время Военное министерство завершало составление общего боевого расписания русских войск на будущий 1856 год. Сохранение всё ещё достаточно сильной Крымской армии, а также заметное усиление Южной и Средней армий за счёт Западной указывало на новую стратегическую линию сдерживания Австрии⁶⁸.

В последние месяцы жизни Николая I у России отсутствовали значительные силы на Волыни и Бессарабии. Поэтому Западная армия Ридигера в Польше для создания угрозы флангу противника ориентировалась на действия по операционному направлению Брест — Киев. Осенью 1855 г. новые планы стали, фактически, зеркальным отражением предыдущих. Теперь предполагалось, что при вторжении австрийцев в Царство Польское вести сдерживающие действия и отступить должна ослабленная Западная армия, тогда как Средняя и Южная армии контратакуют противника во фланг. В случае вторжения на Волынь и в Бессарабию, оборона пространства к югу от Полесья должна была осуществляться непосредственно Средней и Южной армией.

При этом первоначально отвергнутое Александром II предложение Паскевича относительно усиления Западной армии по существу оказалось исполнено. 8 октября 1855 г. военный министр князь В. А. Долгоруков писал начальнику императорской Главной квартиры генералу В. Ф. Адлербергу, что по новому боевому расписанию Западная армия усиливается до 140–150 батальонов⁶⁹.

Итак, в детали составления русских стратегических планов Д. А. Милютин был посвящён на самом высоком уровне. В вопросе эвакуации русских войск из Придунайских княжеств Милютин признавал правоту Паскевича. Однако считал, что его поведение в 1854–1855 гг. было продиктовано в первую очередь мелочным эгоизмом. Более того, когда Милютин на страницах

⁶⁷ Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 346–347.

⁶⁸ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1419. Л. 118–120. Письмо Александра II И. Ф. Паскевичу, составлена в г. Николаев 1 октября 1855 г.

⁶⁹ Там же. Л. 135–136. Письмо В. А. Долгорукова В. Ф. Адлербергу от 8 октября 1855 г.

воспоминаний критиковал Паскевича, он практически никогда всерьёз не анализировал его аргументацию. Способности фельдмаршала руководить боевыми операциями он оценивал скептически⁷⁰. По мнению Дмитрия Алексеевича, «он (Паскевич. — А. К.), как всегда, считал опаснейшей частью театра войны ту именно, где он начальствовал»⁷¹. Очевидно, что тональность служебного документа и последующая его интерпретация на страницах мемуаров очень сильно различались. Генерал-майор Милютин, разбиравший и систематизировавший предложения фельдмаршала и генерал-адъютантов, не мог позволить себе открыто выразить несогласие с их мнениями.

Представленные точки зрения, авторами которых выступали крупные действующие военачальники и высокопоставленные военные администраторы, свидетельствовали в пользу существования в высших военных кругах Императорской России достаточно прочного консенсуса по вопросу стратегии в Восточной войне. Все авторы сходились в признании того факта, что война вылилась для России в длительную борьбу на истощение перед лицом могущественной западноевропейской коалиции. Все признавали существование проблемы международной изоляции и вытекавшую из неё потребность в жёсткой экономии сил. Более или менее общим оставалось также видение иерархии угроз.

Таким образом, если для отечественной историографии Восточной войны была характерна традиция упрощения стратегического контекста данного конфликта, недопонимание его истинных масштабов и концентрация внимания на событиях в первую очередь обороны Севастополя, то среди современников, входивших в военную элиту России, как свидетельствуют источники, преобладали более взвешенные взгляды и суждения. К сожалению, последующая историографическая традиция развивалась во многом без учёта данного комплекса документов. Их изучение позволяет критически пересмотреть утвердившееся в науке мнение о мнимом эгоизме фельдмаршала Паскевича, под давлением которого внимание российской стороны якобы было поглощено заботой об отражении лишь чисто гипотетической австрийской угрозы в ущерб усилиям по обороне Крыма и Севастополя.

⁷⁰ Милютин Д. А. Воспоминания (1843–1856). М., 2000. С. 313, 338.

⁷¹ Там же. С. 313.

Публикуемые далее архивные источники расширяют существовавшее ранее представление об обсуждении вопроса в военных кругах об укреплении западной границы. Они наглядно свидетельствуют, что забота об усилении армии на этом направлении была не капризом престарелого полководца в лице Паскевича, как это было принято считать ранее, а хорошо аргументированным и консолидированным мнением всей русской военно-политической элиты. Авторы изложенных в документе мнений, в том числе Государь Император, сходились в понимании того обстоятельства, что наибольшую угрозу для России представляла не десантная армия союзников в Крыму, а потенциальная опасность вступления в войну Австрии и введомых ею германских государств.

Подобное единомыслие военной элиты Империи, отражённое как в источниках личного происхождения, так и в многочисленной штабной документации, позволяет пересмотреть устоявшийся в историографии стереотип об излишней осторожности и нерешительности будто бы одного лишь престарелого фельдмаршала Паскевича. Осторожность читается в рекомендациях всех участников совещаний 1854–1855 гг. Их предложения исходили из неизбежности обороны и упорной борьбы на измор. Никто из этих опытных и заслуженных генералов не видел реальной возможности решительного перелома общего хода войны в пользу России. Докладные записки генерал-майора Милютина примечательны в первую очередь с той точки зрения, что они фактически представляют собою синопсис мнений и точек зрения русской военно-политической элиты, исчерпывающе отражающий её взгляд на драматизм положения России.

Значение публикуемых документов возрастает в связи с тем, что в них изложены мнения и даже процитированы записки, написанные Николаем I и Александром II, по обсуждаемым вопросам.

Обе записки, находящиеся в одном деле, публикуется по писарской копии, хранящейся в фонде Военно-учёного архива Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Д. 5649. Л. 1–29.). Подпись генерал-майора Д. А. Милютина на обеих записках отсутствует, однако соответствующие фрагменты написанных им позднее мемуаров⁷² неопровержимо указывают на его авторство. В тексте одной из записок

⁷² Милютин Д. А. Воспоминания (1843–1856). М., 2000. С. 315, 338, 340, 367.

имеются авторские сноски и примечания на полях, оставленные при данной публикации с соответствующими указаниями; также сохранены особенности написания подлинника. Кроме того, публикуемые документы снабжены дополнительными примечаниями публикатора как по тексту, так и содержанию.

Обзор последовательных изменений в плане действий на случай войны с Австрией⁷³

Ещё в ноябре минувшего года генерал-адъютант князь Горчаков, имея в виду тогдашние деятельные приготовления Австрии к войне и сближение к югу большей части сил её, представлял необходимость усиления южной нашей армии передвижением одной или двух дивизий II-го пехотного корпуса из Царства Польского на Волынь.

В Бозе почивающий Государь Император изволил также признавать необходимость усиления войск наших на юге «даже с помощью некоторой части сил Средней армии»⁷⁴. Так выразился Его Величество в собственноручной записке (в половине минувшего декабря), в которой Высочайше начертаны первоначальные основные предположения о предстоящем распределении наших сил на театре войны и общем плане действий обеих армий Средней и Южной⁷⁵. Сознывая вполне всю важность положения первой из сих армий, покойный Император изволил, однако же, отозваться, что при настоящих обстоятельствах «неоспоримо ближайшая опасность угрожает нам на юге», — а потому, прежде всего, положено было направить на подкрепление Южной армии запасную дивизию III-го пехотного корпуса, а в виде резерва на случай опасности с моря у Одессы или Нико-

⁷³ РГВИА. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Д. 5649. Л. 1–15 об. Рукописный экз. Копия. Собственный заголовок документа.

⁷⁴ Здесь и далее автор под Средней армией понимает части Действующей армии под командованием ген.-ад. графа Ф. В. Ридигера, дислоцированные на территории Царства Польского. Впоследствии (с весны 1855 г.) Средней армией будут именоваться русские войска на Волыни, также выделенные из состава Действующей армии. (*Примечание публикатора.*)

⁷⁵ Здесь и далее подчёркнуто в тексте автором документа. (*Примечание публикатора.*)

лаева расположить 16 батальонов резервной дивизии VI-го корпуса. С такими подкреплениями обе армии, по тогдашнему предположению, были бы в следующих силах:

Средняя армия		
Действующие силы	101 бат.	95 эск.
Гарнизоны крепостей в Царстве Польском	43	2
Сверх того в Литве, в гарнизонах Динабурга, Вильны, Бобруйска и пр.	21	
Южная армия		
Действующие силы	93 бат.	189 эск.
В гарнизонах крепостей и городов, в том числе Одессе, Николаеве и Киеве	40	2
В резерве за Николаевом	16	12
Всего	149	203

Сверх того за Киевом дальний резерв из 24 батальонов запасной дивизии IV пехотного корпуса.

В расчёт сей не были включены войска Гвардии, которые предполагались тогда необходимыми для обороны балтийских берегов. Из числа же войск, предназначенных в состав Средней армии, предполагалось I-й корпус (1-я и 3-я пехотные дивизии) расположить около Люблина, гренадер (2-я и 3-я гренадерские дивизии) — около Варшавы, а II-й корпус (4-я и 5-я пехотные дивизии) протянуть левым флангом до Кременца. В случае же, если бы австрийцы главными силами устремились на Южную нашу армию, предназначалось князю Варшавскому⁷⁶ в Царстве Польском, кроме гарнизонов крепостей, только две дивизии (32 бат. и 56 эск.), а с прочими силами Средней армии (69 бат. и 39 эск.) двинуться через Луцк и Кременец во фланг и тыл вторгнувшимся в наши пределы войскам неприятельским.

⁷⁶ Здесь и далее имеется в виду генерал-фельдмаршал граф Иван Федорович Паскевич-Эриванский (1782–1856), с 1831 г. носивший титул светлейшего князя Варшавского. (Примечание публикатора.)

Вызванный в С.-Петербург для совещаний по предмету изложенных Высочайших предначертаний, г. генерал-фельдмаршал князь Варшавский представил на оные следующие возражения:

Главная опасность, по мнению Его Светлости, угрожает нам не на юге, а в центре, т. е. в Царстве Польском, где потому и следует сосредоточить сколь возможно большие силы. Рассчитывая, что Австрия может против нас употребить свыше 300 000 войска и что большая часть этих сил вторгнется в Польшу, г. генерал-фельдмаршал признавал опасным отделять II-й пехотный корпус к Луцку и Кременцу, но полагал все 6 дивизий сосредоточить между нашими крепостями по правой стороне Вислы, маневрировать по мере возможности, а в случае решительного напора противника отступать к Бресту на Буге с тем, чтобы там соединиться с Гвардией и перейти потом в наступление.

В подкрепление Средней армии князь Варшавский считал необходимым не только оставить Гвардию, но притянуть и все другие войска, какие только окажется возможным. В дополнительной записке Его Светлости от 27 января предложено Балтийский корпус придвинуть ближе к Средней армии, заменив его в Риге Ревельским отрядом, а в случае присоединения к австрийцам вспомогательного французского корпуса, двинуть к Бобруйску и те резервы, которые формируются в Москве и вдоль железной дороги, а также обе кирасирские дивизии, при Южной армии состоящие. Князь Варшавский надеялся, таким образом, стянуть на одну точку до 200 бат. и 200 эск. И только с такими силами считал возможным дать решительное сражение, чтобы остановить вторжение неприятеля вовнутрь Империи.

После первых совещаний с князем Варшавским в Бозе почивающий Государь Император изволил вновь изложить свои мысли в собственноручной записке 30 декабря⁷⁷.

«Оставаясь при том мнении, — писал он, — что сохранение Крыма и побережья Черного моря едва ли не гораздо важнее не только влиянием на Европу, но и на Азию и, в особенности, на наши закавказские области я, однако же, отнюдь не полагаю, чтобы для сохранения нашего обладания на юге следовало бы бросить Польшу без боя, обратя все наши силы на юг. Напротив того, думал и думаю, что в военном положении нашем в Польше

⁷⁷ См.: Щербатов А. П. Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 260.

мы имеем все выгоды не только охранить правый берег Вислы, но и значительно можем угрожать Австрии, если бы она отважилась вторгнуться в пределы наши вдоль левого берега Днестра».

Уступая доводам г. генерал-фельдмаршала, покойный Император изволил согласиться:

1. Войска II пехотного корпуса оставить в пределах Царства Польского, не передвигая их к Луцку и Кременцу.

2. Войска Гвардии оставить на западной границе впредь до разъяснения обстоятельств.

Что же касается до самого образа действий обеих армий, то Высочайшие мысли по сему предмету, изложенные в той же записке 30 декабря, в сущности, заключались в следующем:

Южная армия (генерал-адъютанта князя Горчакова⁷⁸) первоначально расположенная в средней части Бессарабии (около Кишинева), с открытия военных действий отойдет за Днестр, оставив левое крыло (войска генерал-адъютанта Лидерса⁷⁹) в южной Бессарабии, а правое крыло (кирасиры и III-й резервный пехотный корпус) у Брацлава.

В случае одновременного вторжения неприятеля из Княжеств⁸⁰ в Бессарабию, а из Буковины в Подолию, генералу Лидерсу немедленно же отойти за Бендеры, где и оборонять переправы через Днестр. Князю же Горчакову, соединившись с правым своим крылом, задерживать наступление австрийцев и, ежели представится удобный случай, то отважиться даже на битву с ними. В противном случае, отступить шаг за шагом, заманивая неприятеля за собой, по направлению к Кременчугу. Если бы неприятель отважился на переправу через нижний Днестр или произвел значительными силами высадку на берег Черного моря, то князю Горчакову предстояло бы усилить войска генерал-адъютанта Лидерса и даже притянуть резерв из Николаева, чтобы отбросить противника в море, в случае же неудачи генералу Лидерсу отходить на Николаев.

⁷⁸ Князь Михаил Дмитриевич Горчаков (1793–1861). Генерал-адъютант. В 1855 г. главнокомандующий Южной и Крымской армией.

⁷⁹ Александр Николаевич фон Лидерс (1790–1874). Генерал-адъютант. В 1855 г. командующий Южной армией.

⁸⁰ Имеются в виду Придунайские княжества Молдавия и Валахия. (Примечание публикатора.)

Средняя армия (князя Варшавского)⁸¹, сосредоточенная на правой стороне Вислы, в случае вторжения австрийцев в Царство Польское, имеет отступление на Брест, где, соединяясь с Гвардией, может выждать удобного случая для перехода в наступление. Если нам удастся одержать верх в бою, то австрийцы будут отступать вдоль нашей границы, постоянно угрожаемые с правого фланга нашей армией, а с левого имея наши крепости на Висле. Отбросив их, таким образом, из Царства Польского, князь Варшавский будет угрожать и той части неприятельских сил, которая вторглась бы в Подолию. Для сего, оставив за Вепржем гренадер и Гвардию, с остальными четырьмя пехотными дивизиями немедленно двинуться на Дубно и Кременец.

Действия обеих армий предположено связать партизанскими отрядами, которые, вместе с тем, тревожили бы неприятеля нападениями с фланга и с тыла.

Общие предначертания усопшего монарха развиты были подробнее в нескольких отдельных записках, представленных, с одной стороны, г. генерал-фельдмаршалом, а с другой — генерал-адъютантом князем Горчаковым.

Князь Варшавский в трех своих записках (4, 18 и 27 января) дополняет Высочайшие предположения преимущественно на тот случай, если бы решительный перевес в силах на стороне австрийцев, в особенности же посоединении их с французским вспомогательным корпусом, вынудил Среднюю нашу армию продолжить отступление за Брест к Бобруйску⁸².

Князь Горчаков в своем плане действий (4 января), как будто предугадав мысли Государя, распределил так свою армию, чтобы, имея главные силы между Кишиневом и Бельцами, а боковые отряды в южной Бессарабии и у Брацлава, пользоваться внутренним сим расположением и попеременно, смотря по обстоятельствам, обращаться против той или другой из колонн неприятельских, с разных сторон ему угрожающих; в случае же необходимости отступать по направлению на Кременчук и Николаев⁸³.

⁸¹ Формально боевое управление Средней армии под командование генерал-адъютанта Ф. С. Панютина было образовано лишь 30 мая 1855 г. Здесь под средней армией Милютин понимает те силы Большой Действующей армии, которые отвечали за оборону западной границы России. (Прим. публикатора.)

⁸² См.: *Щербатов А. П.* Указ. соч. Т. 7. СПб., 1904. С. 267–289.

⁸³ Там же. С. 298–310.

Вместе с тем князь Горчаков представил и подробные соображения свои относительно распределения летучих отрядов как для партизанских действий, так и для связи между двумя своими армиями.

Однако же покойного Государя Императора озабочивала мысль, что обширное протяжение границ Империи остается совершенно открытым между Средней и Южной армиями (от Западного Буга до Днестра или Брацлава). В последней своей записке, начертанной 1 февраля, Его Величество изволил выразить опасение, что, «в случае войны с Австрией, первым предметом неприятеля будет вторгнуться в означенный промежуток, дабы пресечь всякое сообщение между нашими двумя армиями и воспользоваться огромными способами богатого края, который мы оставим ему без сопротивления»⁸⁴.

Но, при ограниченном числе войск, Его Величество не находил возможности устранить изъяснённую невыгоду иначе, как только соответственным расположением Средней армии, которая, сосредоточившись за Вепржем, вынудит неприятеля оставить против неё не менее половины своих сил (до 150 000) и, следовательно, удержит эти силы от вторжения в южные наши области. В случае разделения австрийских войск, Средняя наша армия может с успехом вступить в бой с той частью неприятеля, которая будет направлена в Царство Польское по правой стороне Вислы и даже сама двинется вперёд. Напротив того, если бы австрийцы вторглись по тому же направлению совокупными силами, тогда Средняя армия отойдёт к Бресту и выждет тут безопасно, чтобы неприятель обнаружил свои намерения.

В Бозе почивающий Государь не считал вероятным, чтобы неприятель отважился перейти за Буг и атаковать нашу армию под стенами крепости; не допускал даже и того предположения, чтобы австрийцы отважились обходить правый фланг Средней армии с целью прижимать её к болотам Припятским. То и другое дерзкое предприятие могло бы стоить дорого самому противнику. Если бы австрийцы, оттеснив нас на Буге, обратились бы к Варшаве, чтобы утвердиться в Царстве [Польском] и образовать народное восстание, то Средняя наша армия могла бы быстро перейти в на-

⁸⁴ РГВИА. Ф. 14014. Оп. 2. Д. 68. Л. 35–39 об. Записка Николая I от 1 февраля 1855 г.

ступление прямо по шоссе или угрожать флангу и тылу неприятеля по направлению к Ивангороду.

Во всех изложенных соображениях предполагалось, что мы имеем против себя одних австрийцев. Но если бы даже к ним присоединился французский вспомогательный корпус, и тогда, по мнению Его Величества, не было бы надобности изменять первоначального общего плана. Во всяком случае, как было сказано в заключение Собственноручной записки 1 февраля: «главным условием успеха должно ставить соединение сил, а не разъединение их; особенно же, когда мы должны ограничиваться крайне умеренной численностью того, что покуда собрать можем».

Такова была последняя мысль, завещанная в стратегических предназначениях усопшего Императора.

Вновь совершившиеся перемены в обстоятельствах и численных данных повели, естественно, к некоторым изменениям и в соображениях стратегических.

Настойчивые замыслы врагов наших, явно устремленные на Крымский полуостров, потребовали и с нашей стороны новых решительных мер для усиления обороны этого важнейшего, по настоящим обстоятельствам, пункта на всем театре войны. Генерал-адъютант князь Горчаков, облечённый общим начальством над всеми войсками на юге Империи, расположенными от Керченского пролива до Припятских болот, счёл необходимым для надёжного ограждения Крыма направить туда из числа войск Южной армии ещё 2 ½ пехотные и одну драгунскую дивизии (40 бат., 30 эск., 6 сот.).

Через это в Бессарабии осталось под начальством генерал-адъютанта Лидерса:

В Действующем корпусе	34 бат.	80 эск.
В гарнизонах крепостей	20	—
Итого	54	80
Сверх того:		
В Одессе	12 бат.	16 эск.
У Брацлава	8	56
В Киеве	8	—
Летучий отряд у Проскурова	—	6
Всего в Южной армии	82	158

За тем единственным резервом позади Киева служит запасная дивизия IV пехотного корпуса.

Таким образом, сравнительно с первоначальным предположением, начертанном в минувшем декабре, Южная армия ослаблена ныне почти наполовину.

Можно даже сказать, что вместо армии остается теперь на Днестре только наблюдательный корпус, у которого правый боковой отряд в Брацлаве, а левый в Одессе.

С такими ограниченными силами, без всякого сомнения, уже невозможно выполнить всё то, что возлагалось на прежнюю Южную армию. Посему князь Горчаков, оставаясь сколь возможно верным основной идее первоначального своего плана действий, сделал, однако же, в нём то изменение, что поручил генерал-адъютанту Лидерсу в своё время сосредоточить весь свой действующий корпус к Бендерам, оставив только кавалерийские посты на Пруте и достаточные гарнизоны в крепостях (Измаиле, Килии, Хотине и Бендерах). На случай вторжения неприятеля генерал-адъютанту Лидерсу дано наставление пользоваться по-прежнему внутренней операционной линией между тремя его отделами; ожидать в этом положении разъяснения обстоятельств и потом действовать сообразно с оными, защищая сколь возможно переправу через нижний Днестр; в то же время охранять, с одной стороны, пространство между Днестром и Бугом на высоте Брацлава или Балты, а с другой стороны, Одессу, не подвергая, однако же, опасности расположенного там отряда. В случае необходимости, отступить сему отряду на Николаев, а главным силам вместе с правым боковым отрядом по направлению на Кременчуг, отделив, однако же, отряд на Черкассы.

Прямой же путь от Тернополя и Гусятина на Киев предположено наблюдать только летучим отрядом (6 эск., 4 сот. и 4 орудия).

Указав генерал-адъютанту Лидерсу предстоящий ему образ действий, князь Горчаков высказал, однако же, со всей откровенностью (в письме от 23 февраля), что, по малому числу войск, мы принуждены будем почти беспрепятственно уступить неприятелю обширное и самое обильное средствами пространство края, а, вместе с тем, открыть ему дорогу к Киеву⁸⁵. Такую уступку, хо-

⁸⁵ РГВИА. Ф. 38. Оп. 4. Д. 1316. Л. 6 об. — 7. О представлении военному министру доклада по предположению генерал-лейтенанта Лауница насчёт отступления Южной армии к Ольвиополю и Кременчугу.

тя бы и временную, князь Горчаков считает существенной для нас потерей, а потому и возвращается к той же мере, которую предлагал уже за 3 месяца назад, а именно: от Средней армии отделить две пехотные дивизии и расположить их вместе с кирасирами на правом фланге Южной армии между Брацлавом и Летичевом. С таким подкреплением генерал Лидерс получит возможность исполнить прежние Высочайшие предположения, т. е. сосредоточить до 66 бат. со 120 эск. там, где окажется нужным: или между Бугом и Днестром, чтобы остановить и даже разбить австрийские колонны, вторгнувшиеся в Подолию, или же к стороне морского берега против неприятеля, угрожающего Одессе и Николаеву.

Ослабление Средней армии двумя дивизиями (взамен которых армия сия уже получила в последнее время две же гвардейские дивизии) князь Горчаков не считает опасным в том убеждении, что пока Пруссия не объявит себя против нас, дотоль Австрия никак не отважится наступать решительно в Царство Польское, иначе как разве с прибытием вспомогательного французского корпуса.

Та же самая мысль служит основанием и предположением, изложенным в обеих записках генерал-адъютанта графа Ридигера⁸⁶.

Рассмотрев настоящее политическое положение Европы, Его Сиятельство приходит к тому убеждению, что, если бы даже мирные переговоры, открытые в Вене, не достигли желаемой цели, и тогда Австрия, вовлечённая в союз силой обстоятельств, будет действовать крайне осторожно и ограничится, по всей вероятности, предприятиями второстепенными. Принимаемые в Галиции оборонительные меры, и само расположение австрийских армий ясно показывает, что даже в случае вторжения в наши пределы, главные силы австрийцев направлены будут не в Царство Польское, а в долину Днестра, с той лишь целью, чтобы без боя одним стратегическим маневром оттеснить нашу Южную армию, атакованную с фронта турками и французами, а через это способствовать действиям союзников на берегах Чёрного моря.

На сих предположениях основаны следующие две меры, предполагаемые графом Ридигером:

1. От Средней армии отделить II пехотный корпус, который и расположить в северо-западной части Волынской губернии, да-

⁸⁶ Федор Васильевич Ридигер (1783–1856). Генерал-адъютант, в 1854–1855 гг. командующий русскими войсками в Царстве Польском.

бы прикрыть пути из Галиции к Киеву и, в случае нужды, подать помощь Южной армии.

2. Без особой нужды преждевременно не оставлять левой стороны Вислы, а расположить оставшиеся в Царстве Польском войска с таким расчётом, чтобы две дивизии I корпуса с одной кавалерийской дивизией (гвардейской) находились около Люблина; две гренадерские дивизии с одной же легкой кавалерийской (7-й) у Радома, а две гвардейские пехотные с одной кавалерийской оставить до времени в резерве около Варшавы.

Таким расположением войск граф Ридигер полагает отвратить многие невыгоды, а именно:

А) Преждевременным оставлением западной части Польши мы выказали бы без нужды нашу слабость, ободрили бы поляков к таким замыслам, которых они теперь не имеют; австрийцам же открыли бы свободный путь к Варшаве и, уступив весь край за Вислой, доставили бы им выгодное основание для дальнейших действий. Все эти невыгоды отвращаются расположением одного корпуса в окрестностях Радома; даже в случае наступления значительных сил австрийских по левой стороне Вислы, река Пилица послужит нам выгодной оборонительной линией, на которой можно собрать 4 пехотных и 2 кавалерийских дивизии, чтобы встретить неприятеля с фронта, между тем, как I корпус, выступив из Ивангорода, ударит ему во фланг и тыл.

Б) Если же неприятель главные усилия свои устремит на правую сторону Вислы, то Гренадерский корпус всегда успеет через Ивангород присоединиться вовремя к прочим силам на Вепрже; второй же корпус прикроет Среднюю армию с левого фланга и может сам угрожать правому флангу австрийцев.

В) Если бы последние обратились на юг, ограничившись со стороны Царства Польского обороной, то II пехотный корпус движением на помощь Южной армии, а прочие войска Средней армии обличением вторжения⁸⁷ в Галицию, расстроили бы предприятия противника.

Для выполнения изложенного плана действий в Царстве Польском, т. е. для свободного маневрирования по обеим сторонам Вислы, граф Ридигер признает необходимым иметь на этой реке

⁸⁷ Видимо, «обличение» — производное от прилагательного «облический», т. е. связанный с занятием флангового положения. (Прим. публикатора.)

запасной мост, сверх существующего в Ивангороде и, по крайней мере, два парохода.

В заключение Его Сиятельство присовокупляет, что все изложенные соображения могут, конечно, измениться в том случае, если Пруссия и Германия не сохранят своего нейтралитета, или когда на помощь австрийским войскам прибудет вспомогательный французский корпус. Но до того времени мы всегда успеем отвести войска свои за Вислу; во всяком случае, по мнению графа Ридигера, необходимо ныне, чем когда-либо избегать, по возможности, всяких бесполезных передвижений войск, подающих всегда повод к превратным и злонамеренным против нас толкованиям за границей.

В дополнение ко всем изложенным предположениям относительно плана предстоящих военных действий следует в заключение упомянуть еще об одной мысли, предложенной генерал-лейтенантом Лауницем⁸⁸. По мнению его, гораздо было бы выгоднее, если бы Южная армия, вместо предположения отступления на Кременчуг, стала бы между Днестром и Бугом левым флангом назад, так чтобы иметь отступление на Киев; всё же пространство к югу до моря наблюдать только летучими отрядами. Через это обе наши армии сближались бы по мере отступления и могли бы даже, в случае нужды, быть соединены; — притом Южная армия прикрывала бы обильнейшие средствами области, а неприятель не решился бы далеко проникнуть в южные степи, оставив эту армию с фланга.

3 марта 1855 г.

Соображение по некоторым новым предположениям на случай войны с Австрией⁸⁹

Из представленного обзора видно, что наши планы действий на случай войны с Австрией подвергались в течение последних

⁸⁸ В. Ф. фон дер Лауниц (1802–1864). Генерал-адъютант, в 1855 г. в чине генерал-лейтенанта начальник штаба Резервной кавалерии в военных поселениях Юга России.

⁸⁹ РГВИА. Ф. ВУА (846). Оп. 16. Д. 5649. Л. 16–29. Рукописный экз. Копия. Собственный заголовок документа.

трёх месяцев многим изменениям и что некоторые из существеннейших предположений, к этому предмету относящихся, остаются ещё и доселе не решёнными окончательно.

К числу таких соображений принадлежат следующие три вопроса:

1. Следует ли от Средней армии отделить II-й корпус для прикрытия промежутка между Средней и Южной армиями или для подкрепления сей последней; и в случае такого передвижения, где именно такой корпус расположить?

2. Как должны быть расположены войска в Царстве Польском и следует ли преждевременно очищать всю западную часть края по левую сторону Вислы?

3. Нужно ли в чем-либо изменить предположенный образ действий Южной армии и, в особенности, направление, предназначенное для отступления её?

I

Вопрос об отделении II-го пехотного корпуса от Средней армии возникал уже не раз даже в ту эпоху, когда Гвардия ещё не считалась в составе этой армии, а Южная была вдвое сильнее, чем ныне. Такое перемещение войск не только было предлагаемо князем Горчаковым (в минувшем ноябре), но и входило в собственные соображения в Бозе почивающего Государя Императора, предполагавшего первоначально означенный корпус передвинуть на Волынь до Кременца⁹⁰. Кроме того, полагалось тогда же для прикрытия Волыни и для связи между обеими нашими армиями сформировать особый промежуточный корпус из 24-х батальонов и 50-и эскадронов.

Предположения сии основывались как на расположении сил австрийских, так и на общих видах противников наших. Все усилия союзников, очевидно, обращены были на берега Черного моря; войска австрийские постепенно передвигались всё более и более в Дунайские княжества, в Трансильванию и Буковину; следовательно, всего вероятнее было, что, в случае объявления нам войны,

⁹⁰ Собственноручная записка Его Императорского Величества в половине декабря 1854 г. (*Примечание автора.*) Видимо, имеется в виду записка Николая I от 30 декабря 1854 г. (*Примечание публикатора.*)

Австрия намеревалась главные силы свои устремить в южные наши области, дабы подать руку союзникам и, отгеснив нас от морского берега, отрезать даже Крымскую армию. Таков был вероятный план Австрии и в таком смысле получались все сведения из Вены от генерал-майора графа Штакельберга⁹¹, который, сообщая свои по сему предмету мысли, постоянно подавал мнение, что для противодействия замыслам Австрии необходимо и нам все средства обороны сосредоточить на южных границах, а не в Царстве Польском.

Однако же покойный Император, вследствие личных совещаний с генерал-фельдмаршалом, признал необходимым отступить от первоначального своего намерения и не только оставить II-й пехотный корпус в пределах Царства Польского, но ещё передвинуть туда же 8 батальонов, предназначавшихся в гарнизон Луцка, и даже усилить Среднюю армию войсками Гвардии. В то же время предположенное образование промежуточного корпуса на Волыни расстроилось тем, что большая часть предназначенной в этот корпус пехоты необходимо было обратить на пополнение Южной армии, взамен войск, отправленных из оной в Крым, а за тем остальные 8 запасных батальонов с кирасирами князь Горчаков счёл благоразумным передвинуть к Брацлаву. Через это все прежние предположения о прикрытии Волыни и Подолии разрушались и обильные области южной России на протяжении 400 верст (от Царства Польского до Брацлава) остались совершенно открытыми вторжению неприятеля.

Невыгоды и даже опасность такого промежутка между двумя армиями⁹² не могли укрыться от прозорливости покойного Императора и ясно указаны в последней Собственноручной записке Его Величества (1 февраля). Но чтобы прикрыть этот промежуток, пришлось бы отделить часть их от главных армий, а при крайне ограниченном числе имеющихся войск казалось опасным ослаблять армии и без того уже слишком незначительные, сравнительно с неприятельскими. Посему покойный Государь в той же

⁹¹ Э. Г. Штакельберг (1814–1870), граф, сын действительного тайного советника и дипломата Г. О. Штакельберга; с 1852 г. состоял при посольстве России в Вене и произведён в генерал-полковники, с 1853 г. — в свите Его Величества, в 1856–1861 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр при дворе короля Сардинского; с 1860 г. — генерал-адъютант Его Величества.

⁹² Здесь и далее подчёркнуто в документе. (Прим. публикатора.)

последней записке своей поставил главнейшим условием успеха соединение, а не разъединение сил и для того полагал необходимым ограничиться в нашей системе обороны сосредоточением имеющихся войск только на важнейших точках обширного театра войны. Расположение сильной армии на Вепрже казалось Его Величеству вернейшим средством для прикрытия и той части южной границы, которая, по необходимости, оставлена обнаженной.

Взгляд сей совершенно согласуется с общими основными правилами военного искусства: оборона обширного края не требует непосредственного и непрерывного прикрытия всего протяжения границы, ибо такой способ обороны, очевидно, вовлекает в кордонную систему. Малочисленные наши войска, раздробленные малыми отрядами вдоль всей границы, нигде не могли бы оказать ни малейшего сопротивления вторжению сосредоточенных сил неприятельских. Сущность стратегии в том и заключается, чтобы верно определить те точки театра войны или те операционные линии, на которых выгоднее сокопить наибольшие массы сил, оставляя безопасно все промежуточное пространство только под наблюдением легких отрядов.

Действительно, обширное протяжение нашей юго-западной границы от верховий Вислы до устьев Дуная было бы вполне обеспечено со стороны Австрии и Турции, если бы мы имели две сильные самостоятельные армии: одну на Висле, другую на среднем Днестре. Неприятель, конечно, не решился бы вторгнуться в промежуток между обеими сими армиями, хотя бы на всем протяжении 400 верст и не встретил он других наших войск, кроме легких наблюдательных отрядов. Подобное вторжение было бы потому опасно, что Средняя наша армия, пользуясь выдающимся положением Царства Польского, могла бы отрезать неприятелю пути отступления в северо-западную Галицию, а южная взяла бы его с правого фланга и, таким образом, в случае неудачи, австрийская армия была бы отброшена на непроходимую часть Карпат.

Но применяется ли подобное соображение к настоящим обстоятельствам? Имеем ли мы действительно такие две самостоятельные армии, которые могли бы угрожать флангам и тылу дерзкого противника, вторгнувшегося из Галиции на Волынь?

Южная наша армия после последних передвижений войск из Бессарабии в Крым, можно сказать, уже не существует. Кроме гарнизонов крепостей остается на Днестре лишь наблюдательный корпус

в 34 батальона, который не только не может помышлять о переходе в наступление против колонн неприятельских при вторжении их из Галиции в Подолию или на Вольнь, но даже не в состоянии удержаться на Днестре при фронтальном наступлении австрийцев из Молдавии. Он должен будет со всей поспешностью отступить за Буг, по направлению на Кременчуг, пока неприятель не успел ещё сбить ничтожного 8-и батальонного отряда в Брацлаве.

Средняя армия, конечно, довольно ныне сильна не только для обороны Царства Польского от австрийцев, но даже и для угрожения им с тыла, в случае вторжения главной их армии на Вольнь.

Однако же и действия этой армии, так сказать, парализованы трактатом 8 апреля⁹³, воспрепятствующим нам всякий переход в наступление. Под прикрытием этого невыгодного для нас трактата, Австрия может пренебрегать нашей 120 000 армией на Вепрже и безнаказанно устремить все силы свои в южные наши области. Укрепленные их лагеря в Кракове и Пржемысле позволят австрийцам оставить на всякий случай самый незначительный наблюдательный корпус со стороны Царства Польского.

Итак, если, по странному стечению обстоятельств, мы лишены возможности пользоваться выгодами стратегического положения Царства Польского, если почти несомненно, что главные усилия наших многочисленных врагов будут устремлены на юг, ближе к берегам Черного моря, то какую пользу принесёт нам грозная масса войск на Висле?

Конечно, весьма выгодно иметь резерв на путях, ведущих в самый центр Империи, на случай неблагоприятного оборота дел, как то: разрыва с Пруссией или движения вспомогательных войск французских через Германию; но можем ли мы держать войска для запаса на случай отдаленный, когда мы не имеем достаточно сил даже и для ограждения себя от опасности ближайшей, непосредственной? Если принять самые вероподобные предположения, что Пруссия останется верной нынешней системе нейтралитета, с точным соблюдением трактата своего с Австрией, что сия последняя одна объявит нам войну и даже пропустит вспомогательный французский корпус через итальянские свои владения,

⁹³ 8 (20) апреля 1854 г. в Берлине был подписан оборонительный и наступательный военный союз между Австрийской империей и Пруссией. (Прим. публикатора.)

то неизбежно кампания откроется самым невыгодным для нас образом: союзники вступят беспрепятственно в южные наши области и почти без боя овладеют всей страной до Днестра; между тем, как вся масса наших сил будет оставаться в бездействии на крайне правом фланге театра войны.

Надеемся ли мы, в свое время, передвинуть наши резервы из Польши на юг в то время, когда в этом окажется уже действительная необходимость? Но такое передвижение могло бы ещё удасться в том случае, если бы мы имели на юге прежнюю нашу армию, которая, отступая шаг за шагом, по крайней мере, задерживала наступление противника. Теперь же, когда южный наш наблюдательный корпус не в силах замедлить ни на один день вторжение противника, достаточно сделать простой расчёт расстояний: неприятель, со дня перехода через границу в Гусятине, достигает до Киева или до Черкасс в 20 переходов; такое же почти расстояние от Бендер до Кременчуга; от Бреста же до Киева более 27-и переходов. Притом, можно ли отважиться 2 или 3 дивизии двинуть от Бреста через дефиле Луцка по окраине Полесья в то время, когда Волынь будет уже занята сильной неприятельской армией, и когда посланные нами на юг подкрепления могут быть на каждом переходе припёрты к болотам Припятским.

Итак, в настоящее время, когда на Днестре остается у нас только незначительный наблюдательный корпус, представляется крайняя необходимость резервы наши приблизить более к югу, так чтобы они могли своевременно и безопасно идти на помощь означенному южному корпусу или прикрыть его правый фланг, защищая прямой путь из Галиции через Волынь к Киеву.

Заключение это в главных основаниях согласуется с последними предположениями князя Горчакова и графа Ридигера. Но в предложениях сих есть существенное различие: первый желает передвинуть две пехотные дивизии II корпуса к Брацлаву для того собственно, чтобы усилить войска генерал-адъютанта Лидерса; напротив того граф Ридигер предлагает II пехотный корпус расположить в северо-западной части Волинской губернии, хотя, впрочем, Его Сиятельство не определяет положительно места расположения этого корпуса и не упоминает, должен ли он оставаться под начальством главнокомандующего Средней армией⁹⁴.

⁹⁴ Здесь имеется в виду генерал-адъютант Ф. В. Ридигер. (Прим. публикатора.)

Которому из двух предположений отдать преимущество?

В первом случае, т. е. по предложению князя Горчакова, действующий наш корпус на юге усилится ровно вдвое: две пехотные дивизии с 80-ю эскадронами составят левое крыло на Днестре, а другие две пехотные дивизии с 58-ю эскадронами — правое крыло у Брацлава; всего же будет в поле 66 батальонов и до 140 эскадронов. С такими силами корпус генерала Лидерса, конечно, получит более самостоятельности и, в случае вторжения австрийцев, может задерживать наступление их со стороны Молдавии и Буковины. Но, без сомнения, в этих случаях он не будет в состоянии ни остановить противника, ни помешать соединению его с десантом на берегах Черного моря, ни удержать вторжение неприятеля на Волынь. Между тем, Средняя армия, ослабленная двумя дивизиями, уже будет считать себя в совершенно оборонительном положении и не подаст никакой помощи войскам на юге.

Предположение графа Ридигера менее изменяет прежнее распределение сил: если II-й пехотный корпус расположится около Владимира Волынского и Луцка, то он останется в непосредственной связи с прочими войсками Средней армии и, в случае нужды, может совершенно присоединиться к ним для встречи неприятеля совокупными силами. Зато в отношении к обороне южных областей предполагаемое перемещение существенной пользы не принесёт, ибо, в случае решительного наступления австрийцев из Южной Галиции на Волынь и Подол, означенному корпусу двигаться на юг по окраинам Полесья будет столь же опасно, как и войскам из Бреста. Если бы даже такое передвижение и совершилось благополучно, то две пехотные дивизии, появившись отдельно на южном театре войны, не только не поправили бы положения дел, но сами были бы поставлены в опасность.

Затем остаётся ещё возможность расположить означенный корпус в центральном положении, т. е. в южной части Волынской губернии, например, между Острогом и Староконстантиновом тылом прямо к Житомиру и Киеву. С первого взгляда, такое положение наиболее соответствовало бы предположенной цели, т. е. прикрыло бы Волынь и прямой путь из Галиции к Киеву. Но если вникнуть ближе в обстоятельства, то должно сознаться, что в последнем этом предположении было бы ещё более невыгодно, чем в двух первых: ибо II-й корпус стоял бы совершенно отдельно, не мог бы получить поддержки ни от Средней армии,

ни от Южной и сам не мог бы идти к ним на помощь. Если бы при- том войска, остающиеся в Царстве Польском, расположились, со- гласно мнения генерал-адъютанта графа Ридигера, т. е. по обеим сторонам Вислы, то на всем протяжении театра войны мы име- ли бы на четырех пунктах друг от друга отдалённых только по две дивизии. Армии самостоятельной не было бы нигде. Одним сло- вом, тогда мы впали бы совершенно в кордонную систему.

Из всего сказанного можно, кажется, вывести одно заключение, что рассматриваемый вопрос по самой сущности своей составля- ет задачу неразрешимую. Имея до крайности мало войск в общей сумме, мы, естественно, не можем иметь достаточно сил и на юге, и в центре, и на севере, а, следовательно, поставлены в необходи- мость: или оставить юг без обороны, чтобы усилить центр, или ослабить центр, чтобы прикрыть южные наши области. В решении такого вопроса середины быть не может.

Если настоящее политическое положение Европы действитель- но даст право надеяться, что Пруссия сохранит нейтралитет и что, в случае войны с Австрией, главным театром действий будут юж- ные наши области, а не Царство Польское, то нет и причин опа- саться за центр Империи, а в таком случае гораздо полезнее иметь по возможности более войск ближе к югу.

Следовательно, если уже признаётся необходимым передви- нуть из центра войска на Вольнь, то следует, не ограничиваясь опасной полумерой, произвести такое передвижение в большем размере, так чтобы собрать на Вольни около Староконстантино- ва центральный корпус, достаточно самостоятельный для отдель- ного действия. Если бы, например, с этой целью отделить от Сред- ней армии 4 или даже 5 дивизий пехотных и 2 кавалерийских, присоединив к ним кирасир, а впоследствии резервную бригаду 18-й пехотной дивизии из Киева и даже часть запасной дивизии IV-го пехотного корпуса, то составитя целая армия в 100 баталь- онов и 120 эскадронов. За тем останется на Днестре действующий корпус с 42-я батальонами и 80-ю эскадронами, кроме 20 баталь- онов в гарнизонах крепостей, а в Царстве Польском действующ- ий корпус в 50 батальонов и 30 эскадронов, кроме 50 батальонов в гарнизонах крепостей.

Можно с уверенностью сказать, что, при таком распределении наших сил, австрийская армия не отважится проникнуть в проме- жуток между нашими крепостями в Польше, ни вторгнуться в сте-

пи Новороссийские, оставив с фланга нашу 100 000 армию на Во-
лыни.

II

Второй вопрос, относящийся к расположению войск в Цар-
стве Польском, возникает собственно вследствие записки генерал-
адъютанта Ридигера. Но решение этого вопроса, естественно, за-
висит от решения первого, уже выше рассмотренного.

Если Средняя армия сохранит тот состав, который предполагается в записке графа Ридигера, то, кажется, можно вполне согла-
ситься с его мнением, что преждевременно не следует покидать
левую сторону Вислы. Предполагаемое им распределение войск
даёт возможность в своё время сосредоточить их, смотря по об-
стоятельствам, на той или другой стороне Вислы, но для сего не-
обходимо принять те меры, которые указаны графом Ридигером,
т. е. иметь на Висле запасной мост, сверх существующего в Иван-
городе и 2 парохода.

Впрочем, принимая означенную общую мысль, следует, кажется,
предоставить само исполнение её ближайшему усмотрению
главнокомандующего, который, быть может, признает необходи-
мым расположить войска более сосредоточенно, т. е. ближе к пе-
реправам, выдвинув вперёд по обеим сторонам реки только аван-
гарды.

Равномерно нельзя не согласиться с благоразумным советом,
что в настоящее время, при открытии мирных переговоров в Ве-
не, избегать, сколько возможно, всяких передвижений войск, дабы
не подавать ни малейшего повода к подозрениям и превратным
толкам. Но при этом представляется вопрос: как согласовать это
правило с предполагаемым передвижением части войск из Сред-
ней армии на Волынь. Если и сие предложение должно быть отло-
жено до явного разрыва, т. е. почти до самого открытия кампании,
то успеют ли войска, расположенные ныне около Люблина, занять
новые места, предназначенные им на Волыни. — (От Люблина
до Луцка 10 переходов или 14 дней марша, а до Старокопстанти-
нова 19 переходов или 26 дней марша).

В заключение остается присовокупить, что означенные предпо-
ложения графа Ридигера, естественно, остаются в силе только при
двух условиях: 1) пока Пруссия сохраняет свое нейтральное поло-

жение и 2) если от Средней армии не будет отделено более двух пехотных дивизий, ибо, в случае более значительного ослабления этой армии, не будет уже возможности разделять её силы на обе стороны Вислы.

III

Третий и последний вопрос о том, в каком направлении должна отступить Южная армия: на Кременчуг или на Киев, — возбужден запиской генерала Лауница. Но вопрос сей мог действительно подлежать обсуждению только тогда, когда на юге существовала у нас целая армия, которая могла мериться с неприятелем, оставив его наступление и, через это, изменять по произволу направление собственного отступательного движения. В настоящее же время, когда на Днестре мы имеем только 34 батальона, едва ли можно допустить, чтобы столь слабому корпусу удалось совершить предложенное отступление от Бендер по направлению на Киев, т. е. почти параллельно общему направлению границы Империи. Неприятель, который, без сомнения, не ограничится одним фронтальным действием, но будет в то же время наступать и со стороны Галиции, неминуемо отрежет означенный путь отступления. Выше было замечено, что даже и путь на Кременчуг, хотя и самый безопасный, может быть, однако же, угрожаем, в случае чрезмерного перевеса неприятеля в силах.

При этом отступление на Кременчуг было избрано в тех видах, чтобы Южная армия, по возможности, долее могла защищать берега Черного моря, сохранять связь с войсками в Крыму расположенными и, в случае необходимости, даже прикрыть их тыл и отступление. К тому же в новороссийских степях нам удобнее, чем где-либо, воспользоваться изобилием в кавалерии.

В заключение можно заметить, что, в случае образования центрального корпуса на Волыни, весь этот край и пути к Киеву будут, тем самым, прикрыты, по мере возможности. Тогда и южный корпус, охраняемый с правого фланга, может быть удобнее притянут к Киеву, если бы это оказалось нужным по ходу обстоятельств.

9 марта 1855 г.